

ПИСЬМА

О ПРЕСЛОВУТОМЪ ЖИВОПИСЦѢ ПАНСЕЛИНѢ

А. ПОРФИРІЯ УСПЕНСКАГО

КЪ НАСТОЯТЕЛЮ ПОСОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ НАШЕЙ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ, АРХИМАНДРИТУ АНТОНИНУ.

К І Е В Ъ.

Въ Типографіи Кіевопечерской Лавры.

1 8 6 7.

(Из журнала «Труды Киевской Духов. Акад.» 1867 г.)

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всякій, кто только былъ на святой горѣ аѳонской, слышалъ о тамошнемъ живописцѣ Панселинѣ, и видѣлъ произведенія вѣсти его. Но никто не постарался узнать достоверно: въ какомъ столѣтіи жилъ этотъ художникъ и расписывалъ аѳонскіе храмы, и какіе именно, какой характеръ его живописи, какой любилъ онъ колоритъ, и соблюдалъ ли художественную правду и историческую достоверность иконописанія. Я, пробывъ на Аѳонѣ два года, собиралъ тамъ устные преданія и письменныя свидѣтельства объ этомъ пресловутомъ живописцѣ, и берегъ ихъ до поры—до времени, вмѣстѣ съ другими записками своими объ этой аѳонской горѣ, которая еще ждетъ своего историка. Долго не было у меня ни досуга, ни благопріятнаго повода къ критическому изложенію оныхъ преданій и свидѣтельствъ о Панселинѣ. Но наконецъ представился такой поводъ. Въ бытность мою въ Константинополь не разъ приходилось мнѣ бесѣдовать объ Аѳонѣ съ настоятелемъ нашей посольской церкви, отцомъ архимандритомъ Антоніемъ, который богомольствовалъ въ тамошнихъ монастыряхъ, и разсуждать о Панселинѣ и о живописи его. Наши словесныя разсужденія о немъ и о ней не оканчивались одинаковымъ понятіемъ. Но такъ какъ оба мы желали выработать оное; то и завязалась между нами переписка объ этомъ художникѣ, которую теперь кстати издаю я, вмѣстѣ съ Сборникомъ рукописей, содержащихъ наставленія въ церковной живописи, для пополненія достоверныхъ свѣдѣній о ней. Переписка эта начата была мною во время переѣзда моего изъ Одессы въ Петербургъ, прежде нежели dospѣла туда моя библіотека со всѣми рукописями моими. Вотъ почему я, писавъ о. Антонію кое-что по памяти и по соображеніямъ, погрѣшалъ, и потомъ извинялся предъ нимъ въ своихъ погрѣшностяхъ. Пусть же не вѣняютъ меня въ противорѣчіяхъ. Ихъ не было у меня, а были

только невѣрныя припоминанія и торопливыя соображенія. Но и онѣ устранены при тщательномъ и добросовѣстномъ изслѣдованіи предмета, о которомъ я предисловлю теперь. Всѣ мои письма о Панселинѣ похожи на наковальню, которая чѣмъ больше бьется молотами, тѣмъ плотнѣе дѣлается и лучше лоснится. Я печатаю ихъ безъ всякой перемѣны, позволивъ себѣ только обозначить неточности мои въ такихъ примѣчаніяхъ, какихъ не было въ подлинникахъ, посланныхъ къ о. Антонину. Не измѣненъ мною даже численный порядокъ этихъ писемъ въ ряду прочихъ посланій моихъ къ нему, въ которыхъ приходилось мнѣ говорить о другихъ предметахъ человѣческаго вѣдѣнія. Нѣкоторыя изъ нихъ извлечены изъ этихъ посланій, но—вполнѣ. Посему читатели пусть и не думаютъ, что въ нихъ кое-что утаено, или сокращено.

Въ бытность мою въ Константинополь я доказывалъ о. Антонину, что Панселинъ расписывалъ *протатскую* церковь на Аѳонѣ не въ одиннадцатомъ, а въ шестнадцатомъ вѣкѣ, и доказывалъ это, между прочимъ, рукописнымъ житіемъ преподобнаго Теофила святогорца, въ которомъ *положительно* сказано, что оная церковь расписана была при другѣ его *противъ* Серафимѣ, немного ранѣе 1548 года ¹⁾. Собесѣдникъ и совопросникъ мой желалъ прочитать на греческомъ языкѣ это *положительное* сказаніе. Я обѣщался исполнить его желаніе, и исполнилъ. Посему-то переписка моя съ нимъ началась вымѣткою изъ помятутаго житія.

Предисловіе кончено. Читайте письма.

27 февраля 1867 г.

въ Кіево-михайл. монастырѣ.

¹⁾ На Аѳонѣ въ старыя годы *протомъ* (πρωτος), то есть, первымъ монахомъ, назывался предѣдатель средоточнаго Управленія всѣхъ тамошнихъ монастырей и исполнитель всѣхъ судебныхъ дѣлъ ихъ. Отъ него и это Управленіе со всѣми зданіями и съ церковію его называлось *протатъ*. Нынѣ прота вѣтъ, но протатъ цѣль; уцѣлѣла и церковь его, расписанная Панселиномъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВТОРАГО ПИСЬМА КЪ О. АНТОНИНУ.

Одесса. 1861 года 2 сентября.

Не сомнѣвайтесь въ подлинности найденнаго мною свидѣтельства о времени расписанія протатскаго собора на Аѳонѣ. Это свидѣтельство помѣщено въ житіи преподобнаго Теофила святогорца, почившаго о Господѣ въ 1548 году: а житіе его содержится въ новѣйшей рукописи аѳонскаго Русска, подъ названіемъ *Λόγος πανηγυρικός*, на бумагѣ въ листъ. Я *разсудительно* прочелъ это житіе, написанное на новогреческомъ языкѣ вскорѣ по смерти преподобнаго ¹⁾, и убѣдившись, что въ немъ нѣтъ ничего ложнаго и несогласнаго съ исторіею Аѳона, и что, напротивъ, всѣ указанія тутъ лица были современны Теофилу, и всѣ событія, какъ на св. горѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, рассказаны вѣрно, выписалъ то мѣсто, гдѣ *мимоходомъ* замѣчено, что протъ св. горы Серафимъ, пристроивъ икартикъ (наперть) къ протатской церкви и расписавъ ее (*ιστορήσεν*), отказался отъ управленія святогорскими дѣлами, и поселился въ особой кельѣ, а съ Теофиломъ жилъ душа въ душу до кончины своей. Такая находка обрадовала меня чрезмѣрно. Сообразивъ эту замѣтку съ надписью на самомъ икартикѣ этомъ, которая гласитъ, что онъ построенъ въ 1508 году (*sic*), я опредѣлялъ и время расписанія помянутой церкви. Она историрована была въ 15^{10/11} годахъ ²⁾, а

¹⁾ Подлинникъ хранится въ одной изъ келлій, принадлежащихъ Пандократорскому монастырю, въ той самой, въ которой спасался преподобный Теофилъ.

²⁾ Пешного возже.—Смотри письмо 13-е.

въ 1512 написана была икона усненія Богоматери, которая по-нынѣ находится на своемъ мѣстѣ, надъ западнымъ входомъ въ эту церковь изъ нартика, какъ это доказываетъ поставленный на ней годъ 7020-й=1512. (sic). Вскорѣ послѣ этого протъ Серафимъ успокоился, а пастырскій жезлъ его принялъ протъ Гавріилъ ¹⁾, который въ 1526-мъ году (sic) расписалъ малый придѣлъ Предтечи, устроенный надъ вышепомянутымъ нартикомъ. Послѣ такихъ Пифагоровскихъ доказательствъ ужъ было бы весьма грѣшно относить протатскую живопись къ другому времени. Жалѣю, что не могу теперь сообщить вамъ самую выписку изъ житія преподобнаго Теофила о томъ предметѣ, о которомъ говорю, потому что она вмѣстѣ съ другими тетрадами моими лежитъ въ какомъ-то сундукѣ моемъ, но по времени перепису ее для васъ, ежели *«по грѣхамъ вашимъ никакъ не оставитъ васъ сомнѣнiе»* ²⁾. *Esperéz et poursuivez votre route en paix!*

ПИСЬМО 3-е.

Одесса. 1861 года 15 сентября.

Письмо ваше отъ 11-го сентября получено мною своевременно. Радуюсь тому, что между нами завязалась ученая переписка. Начавъ ее, будемъ продолжать. Будемъ плести нескончаемую кольчугу, или великую мрежу. Вы уже сплели свой урокъ. Теперь за мною чередъ плести мой урокъ. Приступаю къ работѣ.

Протъ Серафимъ построилъ не галерею вокругъ протатской церкви, какъ это сказано въ *неточномъ* Патерикѣ Аѳонскомъ, который составленъ малограмотнымъ русскимъ

¹⁾ Нѣтъ; онъ управлялъ Аѳономъ равнѣ Серафима.—Смотри ниже письмо 13-е.

²⁾ Это—слова о. Антонина.

монахомъ; нѣтъ, онъ пристроилъ къ ней нартигъ, и расписалъ эту самую церковь, а не другое какое либо зданіе. Это я помню очень хорошо, да и докажу вамъ въ свое время цитатомъ изъ греческаго житія преподобнаго Теофила. Въ этомъ житіи подъ нартикомъ разумѣется западная паперть, та самая, которая и теперь существуетъ и мимоходящимъ показываетъ на челѣ своемъ 7016-й—1508-й годъ. Тогда она построена была: тогда жилъ и протъ Серафимъ ¹⁾. А сѣверная паперть (по вашему притворъ) возникла назадъ тому лѣтъ 80 съ небольшимъ ²⁾. Когда придѣлали ее къ церкви и стали расписывать; тогда извѣстный на Аѳонѣ старецъ Дамаскинъ, ростовщикъ и живописецъ, жившій болѣе 100 лѣтъ (я видѣлъ его въ 1846 году), успѣлъ снять тутъ съ церковной стѣны живописное изображеніе (будто бы) головы Панселина, и перенесъ его въ свою келью, гдѣ оно находится и понынѣ. Мой живописецъ отподобилъ эту голову. Напрасно же вы думаете, что стѣнная живопись въ этой паперти произведена въ 16 вѣкѣ. Но такая ошибка ваша протительна. А защищаться вамъ надписью на карейской (протатской) колокольнѣ ужъ никакъ нельзя. Въ началѣ этой надписи сказано: 1781 *ἰουλίῳ α. Παλαιότητι τοῦ χρόνου ἐσαθρώθη ἐκ κάλλος δ' αὐτῆς ἐκ βάρων καινούργηθη ἐπιστατοῦντος τοῦ κυροῦ Κωνσταντίου*. То есть: *Отъ давности времени обветшала (колокольня), и снова съ основанія красиво воздвигнута подъ надзоромъ господина Константія*. Итакъ явно, что на мѣстѣ нынѣшней колокольни стояла старая; а ежели она стояла, значить, кто нибудь построилъ ее. Строитель же ея поименованъ въ житіи препод. Теофила.

¹⁾ Она построена при протѣ Пансіѣ. А протъ Серафимъ построилъ нартигъ сѣверный.—Смотри ниже письмо 13-е.

²⁾—Ошибка! Эта паперть (нантигъ) построена протомъ Серафимомъ въ 1534 году. А за 60 лѣтъ назадъ отъ 1858 года она была только поправлена и расписана.

То былъ протъ Серафимъ. Ergo? Послѣ постройки этой колокольни прошло 273 года. Въ теченіи сего времени она могла обветшать, и дѣйствительно обветшала. Знать, была непрочна ¹⁾).

Васъ занимаетъ трибуквенное надписаніе на иконахъ Спасителя о^ωΝ. Но съ кѣмъ вы бьетесь до послѣдней капли крови за это надписаніе? Помнится, я не вызывалъ васъ на бой. А ежели вы ратуете съ кѣмъ нибудъ другимъ; то пожалуйста—отступите отъ вашего соперника въ крѣпость молчанія, или сдайтесь въ плѣнъ. Не то, я стану на противной сторонѣ, и посвойски докажу вамъ, что оныя три буквы писались на иконахъ гораздо ранѣе 15-го вѣка ²⁾), и покажу

¹⁾ Для разъясненія нашего пренія объ этой колокольнѣ считаю нужнымъ сказать слѣдующее:

О. Антонивъ, въ бытность свою на Афонѣ, замѣтилъ на ней только 1781 годъ, и не потрудился прочесть всей надписи, въ которой начертано, что въ этотъ годъ колокольня была вновь построена *на мѣстѣ старой*. А такъ какъ въ житіи пр. Θεοφιλα упомянуто, что протъ Серафимъ построилъ колокольню при протатской церкви ранѣе 1548 года; то о. Антонивъ и усомнился въ правдивости сего житія, воображая, что до 1781 года не было протатской колокольни: усомнившись же въ этомъ, онъ отрицалъ и участіе прота Серафима въ расписаніи протатской церкви Панселлиномъ. Силлогизмъ у него былъ такой:—«протатская колокольня, *по указанію надписи*, построена въ 1781 году; «а по указанію житія Θεοφιλα она существовала ранѣе 1548 года; слѣдовательно этому житію вѣрить нельзя; а ежели оно не заслуживаетъ вѣротія, то «не вѣрится и тому, что сказано въ немъ, будто протатская церковь расписана при протѣ Серафимѣ ранѣе 1548 года».—Но я опую же надписью доказалъ ему, что на мѣстѣ колокольни, построенной въ 1781 году, стояла старая, та самая, которую соорудилъ протъ Серафимъ и о которой упомянуто въ житіи Θεοφιλα; слѣдовательно это житіе—правдиво; а если такъ, то справедливо и то, что протатская церковь расписана при этомъ Серафимѣ; расписаніе же ея, по общему преданію святогорцовъ, усвоится Панселлину. Это доказательство мое о. Антонивъ назвалъ *протатскимъ пораженіемъ*.

²⁾ Въ рукописномъ евангеліи греческомъ 1272 года, на живописномъ изображеніи Спасителя въ вѣнцѣ его видны эти буквы.—Читай объ этомъ въ моемъ сочиненіи подъ названіемъ *Виблейская рѣдкость*, на стран. 50 и 51.—С. П. В. 1864 г.

вамъ старинное толкованіе таинственнаго значенія ихъ. Избирайте же или бой, или миръ со мною; а подаренный вамъ триморфонъ, безъ буквъ въ вѣнцѣ Иисуса Христа, не защититъ васъ отъ моихъ меткихъ и тяжелыхъ ударовъ. Вы никакъ не докажете, что эта икона современна царицѣ Иринѣ, возстановительницѣ иконопочитанія. Можетъ быть, она написана была не очень давно, только подъ стариннымъ образомъ, какъ напр: мѣстныя иконы въ Руссиѣ и Есфигменѣ написаны въ 18¹²/₁₄ год., а посмотришь на нихъ, такъ подумаешь, что онѣ старше Аэона. Такъ темень колорить ихъ, нарочно приданный имъ по желанію суровыхъ старцовъ! Отсутствіе о⁶N на вашемъ триморфѣ не пособитъ вамъ.. Известно по преданію, что аэонскій Панселинъ не любилъ писать эти буквы, и за то былъ называемъ еретикомъ. А онъ трудился въ началѣ 16 вѣка. Подите же послѣ этого, бейтесь до послѣдней капли крови за о⁶N, какъ за *религіозный* признакъ и доказательство православной иконописи лишь 15-го и слѣдующихъ вѣковъ.

(Далѣе предложены свидѣтельства объ употребленіи счета годовъ отъ рождества Христова съ давнихъ поръ).

ПИСЬМО 5-е.

Петербургъ. 1861 года 20 декабря.

Наконецъ я въ Петербургѣ съ 22 октября. День и ночь тружусь, приготовляя къ изданію четыре бесѣды Фотія на языкахъ греческомъ и русскомъ. Утомителенъ этотъ трудъ мой. Однако онъ не отнимаетъ у меня охоты писать къ вамъ и покончить ваши прежніе споры до встрѣчи съ новыми недомыслиями. Охота пуще неволи. Увлекаюсь ею и пишу.

Помните? Вамъ угодно было имѣть выписку изъ подлиннаго житія преподобнаго Теофила о расписаніи протатскаго

собора на Аѳонѣ. Вотъ она! Читайте и судите: кто правъ, вы, или я.

Συζηλώσας δὲ τὸν ὄσιον Θεοφίλον καὶ ὁ ῥηθεις Πρωτος (Σεραφίμ), ἀφ' οὗ δικοδομησε τὸν ναὸν τῆς Πρωτάτου ἐκ βάζρων καὶ τὸ καμπαναρεῖον, καὶ τὴν ἐκκλησιάν ἱστόρησεν, ἔκαμεν παραίτησιν τῆς τοῦ Πρωτάτου ἀξίας, καὶ ἀπελθὼν εἰς τὸ κελλῖον τοῦ ἡσύχαζεν καὶ αὐτὸς μετὰ ἐνὸς ἀδελφοῦ.

Поревновавъ же преподобному Θεοφилу, и рѣченный протѣ (Серафимъ) отказался отъ протатской должности послѣ того, какъ съ основаніемъ построилъ нѣртикъ протата и колокольню, и расписалъ самую церковь, и перешедши въ свою келью успокоился съ однимъ собратомъ.

Послѣ этого всѣ сомнѣнія и пренія неумѣстны. Протатскій соборъ расписанъ былъ при протѣ Серафимѣ, послѣ постройки нѣртика и колокольни въ 1508 году ¹⁾. Да молчить убо всяка плоть человѣча!

Но какой живописецъ историровалъ этотъ соборъ?—Всѣ, въ наши дни, говорятъ и пишутъ, что историровалъ его Панселинъ. А чѣмъ доказываютъ это? Доказываютъ устнымъ преданіемъ святогорцовъ, которые, какъ вамъ извѣстно, до такой степени привязались къ Панселину, что ему усвояютъ всякую лучшую живопись на Аѳонѣ—и хиландарскую (1293 г.), и ватопедскую (1312 г.) и лаврскую (1535 г.), не смотря на разность пошибовъ иконописанія, не примѣчая имени агіографа Θεοφάνη въ надписи лаврскаго собора, и не замѣчая такой несообразности, что Панселинъ работаетъ у нихъ съ 1293 года по 1535-й, ровно 242 лѣта. Хороши же такіе проводники преданій! Да съ ними и правду-ту сочтешь ложью, и въ самой-то истинѣ усомнишься! Однако на чемъ *нибудь* да основано ихъ преданіе о Панселинѣ. Вотъ это *что нибудь* и должна указать критика. Я спрашивалъ ее: существовалъ ли

¹⁾ Вѣрнѣе, въ 1534го году.

агіографъ Панселинъ, и онъ ли историровалъ протатскій соборъ? На эти два вопроса она отвѣчала мнѣ утвердительно, и не безъ улыбки напомнивъ мнѣ о Василиѣ Барскомъ, который въ старомъ Русикѣ на Аѳонѣ любовался стѣнною живописью *пресловутаго* Панселина, и о видѣнной мною въ елассонскомъ монастырѣ (въ Фессалии) стѣнописи, схожей съ протатскою и усвоемой елассонцами Панселину; повелительно приказала мнѣ 1) прочесть рукописное сочиненіе о церковной живописи, іеромонаха Діонисія Фурно-аграфіота, который жилъ на аѳонской Кареѣ въ своей кельѣ, построенной имъ въ 1701 году (что доказываетъ надпись въ храмѣ этой кельи) и занимался иконописаніемъ, и 2) обратить вниманіе на надпись въ проскомидійномъ отдѣленіи протатскаго собора. Я исполнилъ разумныя приказанія ея, и увѣрился какъ въ существованіи Панселина, такъ и въ томъ, что сказанный соборъ былъ исторированъ подъ его руководствомъ.

Въ помянутомъ сочиненіи Діонисія, составленномъ, какъ самъ онъ говоритъ, съ помощію ученика его, ученаго отца Кирилла, родомъ хіосца, нѣсколько разъ упомянуто о Панселинѣ.

1. Тутъ въ предисловіи, или введеніи, сказано: «я учился живописи съ дѣтства, по возможности подражая Мануилу Панселину, который, какъ солнце, возсіялъ въ Солунѣ, и видалъ не только написанныя имъ св. иконы, но исторированные знаменитые храмы на св. горѣ аѳонской. Онъ, *никогда* сіяя блескомъ живописнаго искусства, какъ другое солнце и какъ златозарная луна, превзошелъ и затмилъ всѣхъ древнихъ и *новыхъ* живописцовъ: что ясно доказываютъ иконы, написанныя имъ на стѣнахъ и дскахъ, и что хорошо пойметъ всякій, кто сколько-нибудь знаетъ живопись и смысленно всмотрится въ произведенія кисти его. Сіе-то искусство, съ великимъ трудомъ изученное, какъ я сказалъ, съ дѣтства, рѣшился я съ полною любовію сдѣлать доступнымъ для многихъ и полезнымъ для

подобныхъ мнѣ художниковъ, объяснивъ оное въ этой книгѣ, и со всею точностію показавъ размѣры Панселина, его очерки святыхъ ликовъ, тѣлесный колоритъ и составъ красокъ, и кромѣ того—размѣры *натуральной живописи*».

2. Въ предварительныхъ наставленіяхъ всякому, обучающемуся живописи, сказано: «начни съ того, съ чего началъ я, а потомъ отыщи *нѣкоторыя* произведенія кисти славнаго Мануила Панселина, и изучай ихъ долго, пока поймешь его размѣры и начертанія святыхъ ликовъ; потомъ побывай въ расписанныхъ имъ храмахъ, и отподобь тамошнюю живопись».

3. Въ §§ 16, 17 и 18 написано:

§ 16. *О приготовленіи состава грунтовки по способу Панселина*: «Возьми бѣлилъ, зеленой охры и черной краски, сотри все это вмѣстѣ, и этимъ составомъ грунтуй все, на что будешь наглядывать тѣлесный колеръ».

§ 17. *О рисовкѣ глазъ, бровей и проч.*—«Возьми темной охры (умры) и болюса, сотри ихъ, и этимъ составомъ отработывай, что нужно, но на вѣки клади гуще одну умру, на зрачки же и въ ноздри—черную краску. Такъ работалъ Панселинъ».

§ 18. *О приготовленіи тѣлеснаго колера по способу Панселина*.—«Возьми бѣлилъ венеціанскихъ, или лучшихъ французскихъ, кои приготовляются головками, и венеціанской охры, да киновари, перетри киноварь, раствори ее водою настолько, чтобы она капала, дай ей просохнуть и потомъ смѣшай ее съ прочимъ составомъ. Такъ получишь самый лучший тѣлесный колеръ».

Послѣ такихъ ясныхъ свидѣтельствъ я не могъ болѣе сомнѣваться въ существованіи Панселина, и на основаніи ихъ составилъ слѣдующія понятія о немъ:

I. Мануиль Панселинъ родомъ былъ солунянинъ, и *нѣкогда* писалъ на Аѳонѣ св. иконы, и историровалъ тамошніе

знаменитые храмы такъ хорошо, что затмилъ всѣхъ *древнихъ* и *новыхъ* живописцовъ. Стало быть, онъ жилъ и трудился ранѣе Діонисія Аграфіота, но не слишкомъ давно, потому что затмилъ собою не однихъ древнихъ, но и *новыхъ* живописцовъ.

II. За долго прежде его на Аеонѣ были тѣ художники, которые расписали соборы хиландарскій, въ 1293 году ¹⁾, и ватопедскій въ 1312-мъ, а въ одно время съ нимъ и послѣ него занимались тамъ живописью—*Теофанъ* монахъ, историровавшій соборъ лаврскій въ 1535 году, *Теофанъ* критянинъ и сотрудникъ его *Симеонъ*, расписавшіе соборъ ставроневитскій въ 1546 году, *Фралгъ*, работавшій въ лаврѣ въ 1560 году, и *убойй въ добродѣтели, богатый же во грѣсѣхъ*, *Георгій* Зографъ Митрофановицъ, расписавшій братскую трапезу въ Хиландарѣ въ 1622 году.

III. Эти оба *Теофана* и *Симеонъ* были современники *Панселина*, и почти въ одни годы съ нимъ работали на Аеонѣ, только въ другихъ монастыряхъ. Какъ ихъ, такъ и другихъ работы *Діонисій Аграфіотъ* сличалъ съ произведеніями кисти пресловутаго солунца, и отдавалъ преимущество предъ ними сему послѣднему.

IV. *Нѣкоторыя* иконы *Панселина*, при жизни *Діонисія*, еще стояли на своихъ мѣстахъ, и были указываемы начинающимъ учиться иконописанію, какъ образцы. Слово *нѣкоторыя* даетъ намъ разумѣть или то, что славный художникъ этотъ написалъ немного иконъ, или то, что часть ихъ утратилась прежде, нежели *Діонисій* началъ изучать ихъ. Последнее вѣроятнѣе. Жаль, что ни *Діонисій*, ни ученый сотрудникъ его *Кириллъ* не свазали намъ: какія именно иконы *Панселина*, и въ какихъ монастыряхъ, или скитахъ, были цѣлы въ ихъ время.

¹⁾ Этотъ соборъ расписанъ позже самимъ *Панселиномъ*. Смори влже письма 9-е, 11-е и слѣд.

Ватопедскіе сѣитники подарили мнѣ большую и старую икону Срѣтенія Господня, считая ее Панселиновскою, по преданію. Я не сомнѣваюсь въ этомъ преданіи ихъ, однако для большаго удостовѣренія подвергну составъ красокъ этой иконы химическому разложенію, и сличу его съ составами, показанными о. Діонисіемъ въ вышеприведенныхъ §§ 16, 17 и 18.

V. Мануиль Панселинъ возобновилъ *натуральную* живопись не только на стѣнахъ храмовъ, но и на иконахъ. До него любимы и почитаемы были иконы линейчертательныя и темноцвѣтныя, такія, какъ иверская, какъ *Достойная* въ Протатѣ, а съ его легкой руки начало входить въ употребленіе на Аѳонѣ иконописаніе натуральное,—не съ натурщицъ, а съ тѣхъ живописныхъ изображеній, кои помѣщены въ старинныхъ рукописяхъ. Ему ли пришла мысль перенести эти изображенія на дски и стѣны, или онъ занялъ ее отъ другихъ: это иной вопросъ. Я говорю только о томъ, что рисункъ и колоритъ его были сообразнѣе съ видомъ и цвѣтностію человека и одѣяній его, были естественнѣе, живѣе, правильнѣе. Имъ введенъ, или поддержанъ былъ поворотъ иконописанія къ *натуральности*. Вотъ его заслуга, или почетъ въ сонмѣ новыхъ восточныхъ агіографовъ! Такое понятіе о немъ образовалось во мнѣ при чтеніи книги Діонисія Аграфіота, списки съ которой я видѣлъ, кромѣ Аѳона, въ Фессаліи и въ Іерусалимѣ, и при внимательномъ разсматриваніи подаренной мнѣ иконы его и стѣнныхъ изображеній, понынѣ удѣлѣвшихъ на Аѳонѣ, въ соборахъ протатскомъ и пандократорскомъ, въ близъгарейской кельѣ Моливоклісѣ и въ рабочей хранилѣ иконописца Макарія, у котораго я не разъ бывалъ, какъ путешественникъ пытливый.

Но точно ли Панселинъ писалъ всѣ тамошнія изображенія? Чѣмъ можетъ быть оправдано, или подтверждено мѣстное преданіе о томъ, что онъ историровалъ церкви протатскую,

пандократорскую, моливоклиссійскую и Пантелеимоновскую въ старомъ Русикѣ?

Въ проскомидійномъ отдѣленіи протатскаго собора, на южной стѣнѣ, высоко надъ входомъ изъ него въ средину алтаря, сохранился отрывочекъ обычной у живописцевъ надписи. Его замѣтилъ вышеупомянутый иконописецъ Макарій, когда правилъ должность протатскаго тупикаря, и съ однимъ изъ учениковъ своихъ, на досугѣ, срисовывалъ тамошнія головки, чрезъ прозрачную бумагу, кои показывалъ и мнѣ дважды. Отъ него я узналъ о существованіи этого отрывочка, и отподобилъ его съ помощію Севастьяновскаго художника Водона, который приставлялъ къ нему высокую лѣстницу и поддерживалъ ее, дабы я не пошатнулся вмѣстѣ съ нею. Вотъ снимокъ мой, особо провѣренный находившимся при мнѣ живописцомъ Г. Благовѣщенскимъ.

Кромѣ этихъ осьми буквъ ничего не видать. Всѣ слова, предшествовавшія и послѣдовавшія, изглажены совершенно, Богъ вѣсть, какъ, или къмъ и почему. Этотъ отрывочекъ цѣлой надписи видится въ позскѣ между двумя стѣнными изображеніями, верхнимъ и нижнимъ, и видится ближе къ концу ел. Разсматривая его, я сначала предположилъ, что тутъ словами выражено было содержаніе верхней картины, и хотѣлъ читать *ἀγνὸς τοῦ Μανῶε* (агнецъ Маноя), но тотчасъ отвергнувъ это предположеніе и чтеніе, вспомнивъ, что въ протатскомъ соборѣ нѣтъ подобныхъ подписей ни подъ однимъ изображеніемъ, и что въ книгѣ Судей, гдѣ идетъ рѣчь о жертвоприношеніи Маноя, читается не *ἀγνὸς* а *ἔριφος τῶν ἀγῶν*, и замѣтивъ, что на самой-то картинѣ изображены другія лица, а не Маное и не ангелъ. Потомъ, по праву древлеслова, я принялся заста-

вовлечь, или дополнять всю надпись, и вообразилъ, что она читалась такъ: † ἐτελείωθη τὸ παρὸν ἔργον ^ἔΜΝ τοῦ Μανουήλ...; но и это воображаемое чтеніе свое призналъ невѣрнымъ, потому что живописцы никогда не дѣлали подобной надписи въ исторированныхъ ими храмахъ, да и слово ἔργον (работа) вѣдетъ не къ живописи, а къ работѣ ваятеля, рѣзчика, столяра, мозаиста, и въ многочисленныхъ надписяхъ, какія видѣлъ я на Аѳонѣ, всегда означаетъ подобную работу. Наконецъ, антикварное чутье надоумило меня составить всю надпись такъ: † Ἰστορίθη ὁ θεῖος ναὸς οὗτος κημήσεως τῆς Θεοτόκου προῖς—^ἔΜΝ ^ἔΜΑΝΗ Πανσελήνου κηνή.... Ἰνδικτ.... ἔτους... † Исторированъ сей божественный храмъ Успенія Богородицы подъ руководствомъ Мануила Панселина, въ мѣсяцѣ... индикт... въ году... Послѣ сего я подумалъ,—пристойно ли было сказать «προῖς αὐτὸν τοῦ Μανουήλ, и вспомнивъ, что въ протатскомъ соборѣ не всѣ изображенія писаны одною кистию, заключилъ, что кто-то изъ сотрудниковъ Мануила Панселина добросовѣстно сказалъ въ надписи, что этотъ храмъ исторированъ былъ подъ его руководствомъ, присмотромъ, *предстоятельствомъ*.

Послѣ открытія сего отрывочка цѣлой надписи и послѣ разсудительнаго объясненія его, во мнѣ не остается и тѣни сомнѣнія о вѣрности преданія, усвояющаго расписаніе протатскаго собора Мануилу Панселину. Я полагаю, что онъ тутъ писалъ многіе лики мучениковъ и святыхъ и большія картины, а все прочее произведено было другими живописцами по рисункамъ его.

А такъ какъ уже доказано мною, что протатскій соборъ исторированъ былъ при протѣ Серафимѣ, котораго смѣнялъ протѣ Савва, упоминаемый въ аѳонскихъ актахъ подъ 1513 годомъ ¹⁾; значить, Панселинъ жилъ и трудился на Аѳонѣ въ

¹⁾ Ошибка! Протѣ Савва смѣнялъ не Серафима, а Панасія. Смотри ниже 13-е письмо.

началъ 16 вѣка, и расписывалъ этотъ соборъ послѣ пристройки къ нему нартика, въ 1508 году. Вычислите, сколько времени нужно для внутренней штукатурки сего храма, для лучшей облицовки стѣнъ его лучшею свѣжею известью подъ фрески, и для самой работы фресковъ, и вы согласитесь со мною, что живопись произведена была въ немъ въ теченіи 15¹⁰/₁₁ годовъ ¹⁾.

VI.

Петербургъ. 1862 года 20 января.

Продолжаю свое слово о Панселинѣ. Имя его кѣмъ-то увѣковѣчено надписью въ жертвенномъ отдѣленіи протатскаго собора. А самъ онъ, по благочестивой ревности и скромности, тутъ же на потолкѣ написалъ изрядный образъ Еммануила, котораго имя дано было ему при крещеніи. Замѣчательно помѣщеніе этого образа близъ поматутой надписи! Онъ и она поясняютъ себя взаимно. Если вы можете разорвать соотношеніе ихъ, то разорвите. А я не въ силахъ сдѣлать этого, и вѣрю, что Еммануиль *Πανσεληνος* написалъ тамъ Еммануила—*Τρισήλιον*.

Но этотъ ли пресловутый солунецъ, не забывшій помѣстить ликъ св. Давида солунскаго въ лѣвомъ ипиретикѣ протатскаго собора ²⁾, историровалъ церковь въ обители пандократорской? Устное преданіе монаховъ сей обители отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. Отрицать преданіе ихъ нельзя. Нѣтъ такой замазки, которою можно было бы залѣпить оное. Напротивъ, есть такія историческія, зографическія и на камняхъ Пандократора вырѣзанныя *данная*, кои побуждаютъ меня относить расписаніе тамошней церкви къ тому времени, въ

¹⁾ Въ 153⁴/₅ год. Смотри ниже 13-е письмо.

²⁾ Ипиретикомъ на Афонѣ называется западная часть храма, въ которой становились *ἱπυρέται*—служки игуменовъ.

которое жилъ Панселипъ, и эту работу признать работою его, а не кого нибудь другаго. Пандократорская обитель (говорять акты и надписи, а не я) основана была двумя родными братьями, Алексѣемъ стратопедархомъ и Иоанномъ приммибриемъ. Послѣ постройки въ ней собора въ 1363 году, первый изъ нихъ умеръ, а второй продолжалъ и кончилъ строеніе прочихъ зданій, *спустя много лѣтъ по смерти брата своего*, какъ это сказано въ духовномъ завѣщаніи его. Въ этомъ актѣ нѣтъ ни слова о расписаніи монастырскаго собора, хотя и говорится о главныхъ работахъ и пожертвованіяхъ. Спустя 30 лѣтъ послѣ основанія обители, пожаръ въ 1394 году повредилъ всѣ зданія въ ней и истребилъ царскія грамматы. Монахи не успѣли спасти ихъ. Знать, пожаръ былъ стремительный. Послѣ этого несчастія обитель существовала кое-какъ въ теченіи 100 лѣтъ съ небольшимъ. Но Богъ послалъ ей новаго ктитора, великаго логовета угровлахійскаго, Станла. Онъ изображенъ былъ на стѣнѣ второй паперти соборнаго храма, въ молитвенномъ предстояніи предъ иконою Вседержителя. Я видѣлъ это изображеніе въ первую бытность свою на Аѳонѣ въ 1845/6 году. При этомъ ктиторѣ, — смѣю утверждать, — историрована была соборная церковь пандократорская. Такую смѣлость придаетъ мнѣ самое изображеніе его съ славянскою надписью надъ нимъ: *Рабъ Божій Станлъ, великій логоветъ угровлахійскія земли, ктиторъ монастыра сего*. Этотъ логоветъ пожертвовалъ свои деньги на расписаніе собора, и потому изображенъ былъ въ немъ по аѳонскому обычаю, какъ въ соборахъ лаврскомъ и иверскомъ изображены, въ первомъ Вивтилъ воевода, давшій деньги агіографу Теофану, во второмъ Михаилъ воевода, ущедрившій живописца Марка, который предъ ликомъ его написалъ: *ποίη, ἃ ἐγὼ σοὶ ἐντέλλομαι, καὶ σώζου*: т. е. дѣлай то, что я заповѣдую тебѣ, и спасайся. Усвоить Станлу какія-нибудь другія пожертвованія, а не на распи-

саніе собора, не позволяютъ многочисленныя надписи пандократорской обители, въ коихъ (съ 1537 по 1770 годъ) читаются имена другихъ строителей и благотворителей, и означены иныя благодѣянія ихъ. Но когда жилъ логоѳетъ Станлъ? Самый титулъ его доказываетъ, что онъ жилъ послѣ того, какъ цареградскій патріархъ Нифонтъ, святительствовавшій и въ *Валахіи* послѣ 1490 года и скончавшійся въ 1508 году, присовѣтовалъ угровлахійскому господарю Радулу великому (1475—1508 г.) ввести придворные чины—спаѳаря, вестіара, логоѳета, кѳмиса и пр. ¹⁾ Раньше 1491 года Станлъ и логоѳетомъ быть не могъ, потому что не было такого чина. А такъ какъ въ 1521 году велико-логоѳетскую должность въ Валахіи занималъ Стойко ²⁾, въ 1537 молдовлахійскимъ логоѳетомъ былъ Гавріилъ Трусіандъ, тотъ самый, который иждивеніемъ своимъ провелъ воду въ Пандократоръ, какъ это видно изъ тамошней надписи, въ прочіе же годы были другіе великіе логоѳеты, напримѣръ Стефанъ въ 1562 году, Исаръ въ 1592 году ³⁾; то и приходишь къ заключенію, что Станлъ жилъ и служилъ во время, протекшее между 1491 и 1521 годами. Въ это самое время, либо въ 1515, либо въ слѣдующемъ году, по крайней мѣрѣ не позже 1521 года, расписана была иждивеніемъ его пандократорская церковь. Къ этому частнѣйшему заключенію приводятъ меня слѣдующія соображенія. Въ 1513 году на валахскій престоль взошелъ воевода Пеанкъ, и самодержавилъ до 1522 года. Чтя святую память Нифонта, скончавшагося въ 1508 году въ афонскомъ монастырѣ святаго Діонисія, и желая перенести его мощи въ Валахію, онъ послалъ въ этотъ монастырь *великаго логоѳета* своего и одного боярина съ тѣмъ, чтобы они исполнили это желаніе его, во что бы то ни стало. Мощи

¹⁾ Ἱστορία τῆς πάλαι Δακίας. Т. 2.—Edit. 1818.

²⁾ Ibidem. Онъ жилъ въ Константинополѣ.

³⁾ Ibidem.

были перенесены туда. Полагаю, что этимъ обстоятельствомъ воспользовались иноки пандократорской обители, въ которой Нифонтъ жилъ и былъ рукоположенъ въ іеромонаха ¹⁾, и склонили великаго логовета Станла быть ктитормъ ихъ бѣднаго укромника. Издивеніемъ его тутъ исторированъ былъ соборный храмъ. Живописецъ написалъ портретъ его въ паперти сего храма. Но кто этотъ живописецъ?—Панселинъ! На него указываетъ устное преданіе пандократорцовъ, преданіе, котораго ничѣмъ нельзя замазать. Его пошибъ иконописный видѣнъ въ пандократорскомъ храмѣ. Тутъ такъ же, какъ и въ протатской церкви, лице Предтечи написано имъ *штрихами*, кои замѣтны вблизи и не замѣтны издали. Тутъ такъ же, какъ и въ протатской церкви, живопись натуральна. А ежели есть какая разница между стѣнописаніемъ протатскимъ и пандократорскимъ, то она объясняется тѣмъ, что первое не все произведено было Панселиномъ, а второе все начато и кончено имъ самимъ. Итакъ, исторія пандократорской обители, санъ ея ктитора Станла, введенный въ Валахіи послѣ 1491 года, историческая затруднительность отнести сего ктитора къ другому времени, кромѣ того, которое протекло между 1491 и 1521 годами, благовременность появленія пандократорцовъ въ Валахіи въ тѣ дни, когда съ Аѳона переносимы были туда мощи св. Нифонта, подвизавшагося въ ихъ монастырѣ, портретъ Станла въ церкви, доказывающій, что она расписана была издивеніемъ его, мѣстное преданіе о расписывавшемъ ее художникѣ Панселинѣ, который трудился на Аѳонѣ въ самомъ началѣ XVI вѣка, натуральность его живописи, сходство штрихованныхъ иконъ Предтечи въ Протатѣ и Пандократорѣ,—все это вмѣстѣ взятое и взвѣшенное заставляеть меня утверждать, что пандократорскій соборъ исторированъ

1) Ἱερόσεκ Δακίης. Т. 2.

былъ Панселиномъ не позже 1521 года и не ранее 1515 года. А если сверхъ чаянія откроется, что великій логоветъ Станлъ служилъ при Радулѣ великомъ съ 1491 по 1508 годъ, или при Михнѣ воеводѣ зломъ (*жолдъ*) съ 1508 по 1510 годъ, или при Радулѣ V съ 1510 по 1513 годъ, въ который валахская корона досталась Неанку воеводѣ; то сіе открытіе не подорветъ пандократорскаго преданія о Панселинѣ, который, по всей вѣроятности, родился около 1470 года, и работалъ на Аонѣ, бывъ уже совершеннолѣтнимъ, но не старымъ, какъ это доказываетъ находящійся у меня портретъ его.

Вотъ вамъ новая частица великой mreжи, которую мы плетемъ вмѣстѣ съ многими служителями науки. Если она не крѣпка, то разорвите ее, но на мѣсто ея сплетите другую, лучше и крѣпче! А я пока доволенъ своею работою ¹⁾.

Продолженіе будетъ.

VII.

С.-Петербургъ. 1862 года 13 февраля.

Еще разъ являюсь къ вамъ вмѣстѣ съ Панселиномъ и поручаю этого живописца вашему вниманію. Самъ онъ не говорить, потому что смерть отняла у него языкъ. Но за него говорю я, вызывающій тѣнь его.

Онъ расписывалъ соборную церковь св. великомученика Пантелеимова въ старомъ Русикѣ, церковь, къ сожалѣнію, разобранную до основанія весьма недавно. *Тамошнее стѣнное иконописаніе сего пресловутаго древняго живописца* видѣлъ нашъ Барскій въ 1744 году, и назвалъ оное *зѣло изряднымъ*. Это свидѣтельство приснопамятнаго кievлянина о Панселинѣ есть отголосокъ устнаго преданія тогдашнихъ старцовъ

¹⁾ Не вадоуго!—Смотри ниже 13 письмо.

Руссика, а не повтореніе какой либо надписи, или записи, о которой у него нѣтъ ни слова: должно ли же вѣрить этому преданію? Я вѣрю ему, потому что никакъ не могу ни отрицать, ни заподозрить истинности его, и потому что у живописца Магарія, живущаго въ Карей, я видѣлъ (въ 1861 году 30 апрѣля) четыре снимка съ Панселиновскихъ изображеній на стѣнахъ сказанной церкви, отчетливо сдѣланные учителемъ сего живописца Веніаминомъ, ранѣе 1804 года, когда эта церковь еще стояла на своемъ мѣстѣ. Этотъ Веніаминъ, высоко цѣня произведенія кисти Панселина и предвидя конечное разрушеніе запустѣвшей Пантелеимоновской церкви, успѣлъ отпобить на бумагѣ уцѣлѣвшія тутъ изображенія св. великомученика Георгія, св. Θεодора Стратилата, св. Пантелеимона и священно-мученика Ермолая (одну головку). Георгій красивъ, а прочіе отлично хороши! При такихъ двухъ свидѣтеляхъ, каковы—Веніаминъ, аѳонскій живописецъ, и Барскій, добросовѣстный писатель, преданіе о расписаніи сказанной церкви стараго Руссика Панселиномъ пріобщается къ числу историческихъ достовѣрностей.

Но когда Панселинъ историровалъ эту церковь *зглаго* *изрядно*? Полагаю, что онъ историровалъ ее ранѣе расписанія соборовъ пандократорскаго и протатскаго, послѣ 1502 года, въ который угровлахійскій воевода Радулъ Великій началъ жаловать Руссика, *осиротѣвшему святѣишхъ, прежднихъ хтиторехъ*, ежелѣтнюю милостыню въ 4000 аспръ, по личной просьбѣ прота св. горы Кр Козьмы (вѣроятно, руссиковскаго постриженца), и жаловалъ ее до 1508 года. Другаго Панселиновскаго времени, другаго богатѣйшаго благотворителя, другихъ бѣленькихъ денегъ (*аспра*) для уплаты Панселину за труды не представляетъ ни исторія, ни экономія Руссика, который въ 1561 году держалъ 15 паръ воловъ, 25 коровъ, 25 буйволовъ и 50 козъ, но не имѣлъ ни одного мула, пзъ гривы

котораго приготавлиются грунтовальныя кисти для стѣнописи ¹⁾).

Остается мнѣ сказать еще нѣсколько словъ о работахъ Панселина въ Хиландарѣ и въ моливоклисійской гелѣѣ. Но эта рѣчь впереди. Вы прочтете ее въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, если Богъ продлитъ нашу жизнь.

VIII.

Петербургъ. 1862 года 3 сентября.

Письмо ваше отъ 14 февраля текущаго года я получилъ 1-го марта, но до сей поры не могъ отвѣчать вамъ, потому что отбывалъ барщину тремъ господамъ. Сверхъ чаянія моего, они усадили меня за рабочій столъ и велѣли мнѣ писать все, что я знаю о Абиссиніи, о синайской рукописной Библии, вывезенной Тишендорфомъ, и о непечатномъ Евангеліи, подаренномъ Императрицѣ александрійскимъ патріархомъ Іаковомъ; и я, ученый служка ихъ, исполнилъ всѣ велѣнія ихъ. Эта срочная барщина, за которую никто до сего дня не сказалъ мнѣ и спасибо, отвлекла меня отъ письменнаго разглагольствія съ вами. Но она кончена. Я сталъ свободнѣе и отыскалъ то перо, которымъ, назадъ тому нѣсколько мѣсяцовъ, писывалъ вамъ о томъ и о семъ, прямо и криво. Это перо шевелится въ рукѣ моей, и пишетъ отвѣтъ на оное письмо ваше и дальнѣйшее разсужденіе о Панселинѣ.

Сожалѣю о томъ, что вы составили ложныя умозаключенія о времени жизни Панселина и отца Діонисія Фурноаграфіота, увидѣвши 1458 годъ на сочиненіи сего отца *Ἐρμηνεία τῶν ζωγράφων*, напечатанномъ въ Аѳинахъ грекомъ Симонидисомъ въ 1853 году. Знайте твердо, что 1458 годъ поставленъ

¹⁾ Когда я писалъ эти строки, тогда не очень хорошо зналъ исторію Русска.—Смотри ниже 13 письмо.

тутъ этимъ лжехитрымъ грекомъ произвольно, для корыстной цѣли, и что Діонисій Фурноаграфіотъ жилъ въ первой половинѣ 18 вѣка. Вотъ тому доказательства.—1) Карейскій иконописецъ отецъ Макарій, съ которымъ я уже познакомилъ васъ въ своихъ письмахъ, самъ рассказывалъ мнѣ, 10 марта 1859 года, о Симонидисѣ вотъ что: «однажды зашелъ ко мнѣ Симонидисъ. Заговорили мы объ изданномъ имъ въ Аѳинахъ сочиненіи Діонисія *Ἐπιτηδεῖα τῶν ζωγράφων*. Я спросилъ его: «почему ты поставилъ тутъ 1458 годъ, когда извѣстно, что Діонисій, жившій здѣсь въ Кареѣ, построилъ себѣ келью въ 1701 году: что доказываетъ подпись въ церкви этой кельи? Онъ отвѣчалъ: э, отецъ мой! если бы я поставилъ тутъ годъ не столь древній, то не окупилось бы мое изданіе». Послѣ такой исповѣди такого издателя не надобно и въ расчетъ принимать ни изданія его, ни поставленнаго на немъ года, ни свидѣтельства отца Икономаса, имѣвшаго подъ руками, или видѣвшаго списокъ Симонидиса съ оной Ерминіи.—2) Тотъ же отецъ Макарій, въ тотъ же 10 день марта, показалъ мнѣ печатную книгу, на концѣ которой записано, что въ 7223 (1715) году скончался аѳонскій живописецъ Давидъ, уроженецъ изъ албанскаго города Авлона, и примолвилъ, что у этого Давида учился живописи отецъ Діонисій Фурноаграфіотъ, а примолвилъ это, помня преданіе наставника своего въ иконописаніи Макарія же, уроженца изъ села Галатисты, который въ 1787 году августа 24 дня кончилъ расписаніе кладбищной церкви въ Кареѣ, въ молодости же своей видалъ помянутаго Фурноаграфіота.—3) Въ 1859 году 6 апрѣля, предъ выѣздомъ изъ города Лариссы, я просилъ одного фурноаграфійскаго купца написать письмо къ родичамъ его, и склонить ихъ развѣдать въ самой Фурнѣ о времени существованія помянутаго Діонисія. Этотъ почтенный купецъ обѣщался исполнить мою просьбу, и по возвращеніи моемъ изъ мѣстскихъ обителей

въ Лариссу, явился тутъ ко мнѣ и повѣдалъ, что въ Фурнѣ знагомые его отыскали тетради онаго Діонисія, и прочли въ нихъ стихи, сочиненные имъ въ 1733 году. Тогда онъ находился на своей родинѣ.—4) Въ 1861 лѣто Господне 1 мая я былъ въ Предтеченской вельѣ сего Діонисія, находящейся въ аѳонской Кареѣ и принадлежащей теперь іеромонаху Мелетію, и собралъ тутъ слѣдующія свѣдѣнія: отецъ Діонисій на мѣстной иконѣ Предтечи, писанной кистию его, начерталъ стихомѣрную надпись, изъ которой видно, что онъ строилъ велью и церковь въ ней. Вотъ его слова: *Πρόδρομε Χριστού... θέλει τὴν εὐχὴν Διονύσιου Θύτου... κτίτορας μονῆς σου, ὅσπερ ἤγειρε καὶ τὴν περικαλλῆ καὶ ἐφαιδρυνε ταῖς ἱεραῖς εἰκόσι.* Т. е. Предтече Христа... прими моленіе Діонисія жертвоприносителя... здателя обители твоей, построившаго прекрасный храмъ и украсившаго оный святыми иконами. Надъ окномъ этой церкви, что у праваго клироса, греческая надпись на стѣнѣ гласитъ, что «честный «и божественный храмъ святаго Іоанна Предтечи съ основаній «воздвигнутъ и расписанъ ктиторомъ іеромонахомъ Діонисіемъ, «урожденцемъ изъ Фурны-тон-аграфонъ, въ 1701 году». Когда я громко прочелъ всю эту надпись въ присутствіи вышерѣченнаго Мелетія; тогда онъ возразилъ мнѣ: «почему вы читаете 1701 годъ, а не 1401-й?» На это возраженіе я отвѣчалъ ему: «отецъ мой! какъ я вижу, такъ и читаю; смотрите сами: на стѣнѣ написаны буквенныя цифры $\overline{\alpha\psi\lambda}$, такъ что въ ψ верхняя половина среднепродольной черты хотя и полиняла, но еще хорошо замѣтна, а ψ соотвѣтствуетъ числу 700, а не 400». «Визу, сказалъ отецъ Мелетій, и признаюсь вамъ, что, пазадъ тому нѣсколько лѣтъ, былъ у меня здѣсь извѣстный грекъ Симонидисъ, и увидѣвъ эту надпись, которая тогда отъ сырости казалась полинявшею, упросилъ меня возобновить ее по старымъ чертамъ, и привелъ здѣшняго живописца Геннадія, который и возобновилъ ее. Но какъ видно, Геннадій или

посовѣстился ггать, и потому букву Ψ написалъ такъ, что зоркій чтець усмотрѣлъ въ ней Ψ , а не зоркій ψ , или худо смыслъ верхнюю половину среднепродольной черты этой буквы, такъ что она выказалась сама собою уже по возобновленіи надписи». Послѣ этого признанія, я передалъ отцу Мелетію разговоръ вышеупомянутаго иконописца Макарія съ Симонидисомъ; и этотъ простодушный владѣлецъ Предтеченской кельи Діонисія понялъ хитрый умыселъ Симонидиса, который по всему міру прошелъ съ обманомъ, а воротиться съ нимъ не могъ.—Кромѣ нечаяннаго признанія отца Мелетія, кромѣ надписи, въ которой видѣнь 1701 годъ, удостовѣрили меня въ недавней постройкѣ и отдѣлкѣ Предтеченской церкви: α) свѣжесть стѣнной живописи ея, β) 1748 годъ, вырѣзанный на иконостасѣ ея подъ мѣстнымъ образомъ Предтечи, и γ) свѣжесть сего образа, на краяхъ котораго понравились мнѣ живописные лики—ангела, ведущаго маленькаго Предтечу по пустынь, и ликующаго царя Ирода.—Вотъ вамъ, брате, доказательства недавности существованія иконописца Діонисія Фурноаграфіота. Примите ихъ въ свѣдѣнію; потомъ обратите ваше вниманіе на деревенскій слогъ Ерминія сего Діонисія, на его *χρδαίαν γλώσσαν*, на множество употребленныхъ имъ новѣйшихъ, варварскихъ и нѣмецкихъ словъ, какихъ не найдешь ни въ одномъ греческомъ лексиконѣ ¹⁾; подумайте о томъ, что писатель 1458 года не могъ бы жаловаться на ругателей святыхъ иконъ (лютеранъ), какъ жаловался Діонисій; вспомните, что онъ, живя въ первой половинѣ 18 вѣка, назвалъ Панселлина живописцомъ *новымъ*, и—перестаньте воображать, что Панселлинъ былъ живописецъ древній. Не то, святой муче-

¹⁾ Напр.: γόλδ φάρβε (Gold Farbe), τεζιγάχι, πλακούντι, σουραγι, τζιγγιάρι, τζουγάν, κωνί τζινένιο, μποτζόπουλο, λαμπήχι, σανταλόζι, πέγουλα, μάλαν, σουλιγένι, πορί, μιςρί, φόυμο, λαχέρι, χρυσοκανδυλαίς, λινοκαπία, μινδέντι κ. т. λ.

ниѣ Меркурій, изображенный имѣ на стѣнѣ карейскаго собора, отточить свой *кривой тесакъ нѣмецкій* XVI вѣка, и отрубить вамъ руку, пишущую художественную неправду.

5 сентября. Ночь.

Вы, желая отстоять отъ пожара свое мнѣніе о стародавности Панселина и Діонисія Фурноаграфіота, прикрыли это мнѣніе изданною въ Аѣнахъ книжкою *Ἐρμινεία τῶν ζωγράφων*, выставивъ противъ огня моего страничку ея съ 18-мъ параграфомъ, въ которомъ оный Діонисій не упомянулъ-де ни о венеціанскихъ, ни о французскихъ бѣлилахъ, и спросивъ меня изъ-за-этого щита: откуда взялъ ты эти бѣлила, и набѣлилъ ими Фурноаграфіота такъ, что онъ сталъ маляромъ 18 вѣка?— Но, брате и друже, пожалуйста—пощадите себя. Щитъ вашъ не надеженъ. Онъ сейчасъ сгоритъ, да сожжетъ и ваше мнѣніе, которое вы заслоняете имъ. Посторонитесь; ибо въ этому мнѣнію стремится огонь съ Аѣона, изъ Іерусалима, Парижа и Петербурга. Сочиненіе Фурноаграфіота (*Ἐρμινεία.....*) напечатано въ Аѣнахъ съ рукописи сына лжи Симонидиса. Такъ какъ онъ умыслилъ злою мыслию выставить на ней 1458 годъ, а *солунскаго* Панселина объявилъ иконописцемъ острова *Сими*, и постригъ его въ монахи въ XI вѣкѣ; то и выбросилъ изъ Ерминіи Фурноаграфіота венеціанскія и французскія бѣлила, смекнувъ, что въ XI вѣкѣ Панселинъ едвали могъ выписывать это вещество изъ Франціи, не славившейся тогда живописцами. Но эта дерзость Симонидиса обличается тремя лучшими рукописями, содержащими Ерминію Фурноаграфіота,—руссиковскою на Аѣонѣ (18 вѣка), іерусалимскою (17 в.) у тамошняго иконописца Ильи Барамке, и дидроновскою въ Парижѣ (19 в.), съ которой сдѣланъ русскій переводъ въ Петербургѣ для Ея Высочества Маріи Николаевны. Во всѣхъ этихъ рукописяхъ;

и въ этомъ переводѣ 18-й параграфъ читается такъ, какъ я перевелъ его слово въ слово: «*Возьми бѣллыхъ венеціанскихъ, или лучшихъ французскихъ*» и проч.—Во всѣхъ этихъ рукописяхъ и въ этомъ переводѣ нѣтъ и помину объ Иліотити. Такая прибавка выдуманна Симонидисомъ. Ни въ чемъ не вѣрьте этому плуту: не вѣрьте и Симаидѣ его. Я перевелъ это сочиненіе его на русскій языкъ, и, переведши, убѣдился, что тутъ *брежня брехню брехнею погоняетъ*. Справедливо эллипсическій древлесловъ Мустоксиди въ свое время отнесъ эту Симаиду къ разряду сомнительныхъ сочиненій, вспомнивъ и гласно напомнивъ аѳинскимъ ученымъ, что ни одинъ изъ византійскихъ историковъ не говорилъ объ Аполлоніевой школѣ живописи и ваянія на островѣ Сими,—родинѣ противнаго Богу и людямъ Симонидиса.

Напрасно вы подумали, что такъ называемые русскіе *подлинники* суть списки съ Ерминіи Діонисія Фурноаграфіота. Они столько же походятъ на нее, сколько похожу на васъ я, сличавшій эти подлинники съ оною Ерминіею, по порученію нашего святѣйшаго Синода.

Надѣюсь, что всѣ вышеизложенныя доказательства мои не будутъ отринуты вами, и, поощряемый этою надеждою, продолжаю рѣчь свою о трудахъ Панселина на Аѳонѣ.

IX.

С.-Петербургъ. 1862 г. 18 сентября.

Иногъ Василій Барскій, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1744 года, разсматривалъ стѣнную живопись въ соборной церкви хиландарскаго монастыря, и положительно сказалъ, что ее пропзвелъ *древле нѣкій тамо бывшій пресловутый живописецъ грекъ, проименованный Панселинъ*. А въ притворѣ сей церкви надпись надъ южною дверью гласитъ, что сербскій краль

Стефанъ Урошь, зять превысокаго самодержца императора греческаго царя Андроника ¹⁾, на мѣстѣ старой тѣсной церкви сію новую воздвигъ и подписалъ ²⁾ въ лѣто міробытія 7501 (1293). Ужели же Панселинъ жилъ—былъ въ 1293 году? Ни, ни, ни! Въ этой надписи есть ложь. Въ ней Стефанъ Урошь говоритъ отъ лица своего: «церковь убо гѣсну суцую разорихъ и сію новую воздвигохъ и подписахъ», и называетъ тестя своего Андроника императоромъ. Такое названіе, необычное въ его время и не встрѣчающееся ни въ одномъ дѣписаніи жупановъ, кралей, царей и деспотовъ сербскихъ, отличаетъ подлогъ этой надписи. Явно, что она не современна строителю церкви. Какой-то не мудрый грамотѣй составилъ ее въ 1804 году, когда стѣнная живопись, о которой идетъ рѣчь, подновлена была, какъ мнѣ извѣстно, аѳонскимъ иконописцемъ Веніаминомъ ³⁾. Этотъ грамотѣй въ концѣ сей надписи сказалъ: «древности же ради помрачившейся первой исторіи, «нынѣ паки, изволеніемъ о Христѣ братства, обновихомъ новымъ «живописаніемъ, въ лѣто отъ воплощенія Сына Божія 7501». Коротко и ясно! Надпись начертана въ 1804 году, а сочинилъ ее какой-то болгаринъ, или сербинъ, слыхавшій, что на свѣтѣ семь были и есть императоры, но невѣдавшій, что въ 1293 году, да и ранѣе и позже, ни греческіе цари не титуловались императорами, ни сербскіе крали не давали имъ такого титула. Если же она надпись лжетъ; то не должно и брать всю ее во вниманіе при составленіи исторіи аѳонскаго иконописанія и при рѣшеніи вопроса о Панселинѣ. Я исключаю изъ нея

¹⁾ Сей Урошь, прозываемый Милутинъ, скончался въ 1321 году.

²⁾ Этотъ глаголь, выражающій расписаніе, исторированіе храма, употребленъ и въ другой надписи хилаудар. монастыря, внутри братской транезы надъ дверью. Тутъ читается: «обновисе и подписасе сіа транезарія». А извѣстно, что она расписана.

³⁾ Я видѣлъ снимки его съ тамошнихъ стѣнныхъ изображеній Панселина. Они хранятся у аѳонскаго иконописца о. Макарія.

слово *подписахъ*, и имѣю на то полное право. Современникъ строителя хиландарской церкви Стефана Уроша Милутина, преосвященный Даниилъ, подвижникъ аеонскій, наперсникъ и писатель житія сего короля, въ своемъ Родословѣ упомянулъ о постройкѣ этой церкви и объ украшеніи ея, но ни слова не сказалъ о стѣнной живописи въ ней. Вотъ его слова. «Сей христолюбивый (Милутинъ) сего святаго и Богомъ воздвѣннаго мѣста глаголемаго Хилендара церковь божественную, яже бѣ перваго зданія, отъ основанія разоривъ, и болшу создавъ, и украсивъ всякими различными добротами, нещадно злато много дая, и въ мѣстѣ томъ постави палаты царскія и келліи изрядныя въ пребываніе ту сущихъ червецъ, и уроки законные устави имъ, еже на пищу всякимъ довольствомъ, елико на одежду имъ» ¹⁾. При слаченіи этихъ словъ съ начертанною въ хиландарской церкви надписью оказывается, что сочинитель этой надписи читалъ Родословъ преосвященнаго Даниила, и согласно съ нимъ упомянулъ о *разореніи* старой церкви и о *созданной* новой, но слова его—*украсивъ различными добротами*—замѣнилъ своимъ произвольнымъ выраженіемъ—*подписахъ*. Такою замѣны стерпѣть нельзя. Иное дѣло украшеніе церкви разнымъ добромъ, то-есть утварью, ризами, иконами, книгами, мраморами, и иное дѣло расписаніе ея. Преосвященный Даниилъ видѣлъ новую хиландарскую церковь, и не сказалъ, что она была *подписана* иждивеніемъ краля Стефана: не долженъ былъ говорить сего и сочинитель надписи, не должны говорить сего и мы. Иначе, всякій здраво-мыслящій упрекнетъ насъ въ произвольномъ эластическомъ толкованіи словъ Даниила, напомнивъ намъ, что даже сынъ онаго краля царь Стефанъ Душанъ не историровалъ хиландарской церкви, а только *украсилъ ее вѣсьми добротами*, тогда

¹⁾ Смотри исторію разныхъ славянскихъ народовъ, архимандр. Іоанна Ганча, часть 2, стран. 597.—Издан. 1823 года въ Будимѣ градѣ.

какъ онъ же *подписалъ дечанскій храмъ Господа Бога вседержителя въ лѣто 4571* (1348), какъ это доказываетъ надпись надъ западною дверью сего храма ¹⁾.

Итакъ новѣйшая хиландарская надпись лжетъ сугубо. А отецъ Барскій сообщилъ намъ устное преданіе святогорцовъ его времени о расписаніи хиландарскаго собора Панселиномъ— преданіе достойное вѣроятія. Онъ въ своемъ описаніи Аѳона упомянулъ о стѣнной живописи, видѣнной имъ почти во всѣхъ монастыряхъ, но умолчалъ о произведшихъ ее художникахъ, а о стѣнописи въ Протатѣ, Русикѣ и Хиландарѣ, и только о ней, сказалъ, что она произведена была Панселиномъ. Чтожь бы это значило? Объясняйте, какъ хотите, оное молчаніе его, или небреженіемъ, или невнимательностію къ надписямъ живописцовъ, или плохимъ изданіемъ его рукописи, а въ оное *исключительное* сказаніе его вслушайтесь. Я же слышу въ немъ отголосокъ того отмѣннаго уваженія святогорцовъ къ висти Панселина, которое *разборчиво* хранило преданіе о работахъ его въ помянутыхъ трехъ мѣстахъ. Современникъ Барскаго отецъ Діовисій Фурноаграфіотъ, самъ живописецъ и почитатель таланта Панселинова, видѣлъ, осязалъ, любилъ иконы сего художника, и ученикамъ своимъ совѣтовалъ *изучать стѣнную живопись его въ знаменитыхъ соборахъ аѳонскихъ и по возможности подражать ему*. Стало быть, память о немъ хорошо сохранилась на Аѳонѣ во дни Барскаго. А если такъ, то тогдашнее указаніе на Панселиновы работы исключительно въ Протатѣ, Русикѣ и Хиландарѣ, должно быть принимаемо нами, какъ суцая художественная правда. Спустя 60 лѣтъ послѣ Барскаго, стѣнную живопись въ Хиландарѣ подновилъ аѳонскій иконописецъ Веніаминъ, и срисовалъ нѣсколько тамошнихъ изображеній наилучшихъ, чтя память Панселина. Такъ вотъ и эти рисунки, кои видѣлъ я у о. Макарія,

¹⁾ Смотр. истор. Рача, часть 2, стран. 707.

подтверждаютъ непрерывность и неизмѣнность святогорскаго преданія о Панселинѣ, историровавшемъ соборы—протатскій, руссиковскій и хиландарскій.—Иные самовидцы Аѳона скажутъ, что хиландарская стѣнопись не походитъ на протатскую; слѣдовательно она—не Панселинова. Но пусть они знаютъ, или не забываютъ, что ее подновили въ 1804 году, да и неудачно, и пусть посмотрятъ на снимки Веніамина съ колоссальныхъ изображеній пророковъ въ куполѣ хиландарскаго собора, и сличатъ ихъ съ его же снимками съ протатскихъ изображеній ветхозавѣтныхъ праотцовъ, патриарховъ и пророковъ: тогда произнесется ими другой судъ, тогда скажется ими иное *слѣдовательно*.

Я съ Барсѣемъ вѣрю, что хиландарскій соборъ расписанъ былъ Панселиномъ. Но когда? Вотъ вопросъ! Вотъ задача! Я берусь рѣшить его и ее, но въ другомъ письмѣ. Νεξ γὰρ σκοτία ἐπέσει.

X.

Петербургъ. 1862 г. 12 октября.

Мы уже знаемъ отъ преосвящен. Данила, что сербскій краль Милутинъ (1275—1321 г.) построилъ хиландарскій соборъ и украсилъ его различными добротами. Спросимъ же теперь лѣтописи Сербіи, помѣщенныя въ исторіи сербскаго архимандрита Рáича, всѣ акты хиландарскіе, переписанныя моею рукою въ двукратное пребываніе на Аѳонѣ, и не давно напечатанную у насъ книгу *Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ*, въ которой содержатся драгоцѣнныя свѣдѣнія о Хиландарѣ, и послушаемъ, что говорятъ всѣ эти не ложные свидѣтели минувшихъ временъ славяно-сербской лавры на Аѳонѣ.

Вышерѣченный краль Милутинъ въ 1302 году построилъ въ виду Хиландара, у самаго моря, Циргъ съ храмомъ Спаса,

и исполнилъ его книгами, и завѣсы, и иконами, и святыми сосуды, и еще иными потребами доволными; въ 1318 году снабдилъ карейскую келью св. Саввы сербскаго книгами и честными иконами и всѣми потребами, и купилъ три аделафата живущимъ въ кельи той; въ 1327 году пожаловалъ Хиландару села и разныя угодыя въ Сербіи. Таковы были благодѣянія его, оказанныя сему монастырю. О нихъ мы знаемъ изъ подлинныхъ грамотъ его. Но въ этихъ грамотахъ нѣтъ и помину о расписаніи хиландарскаго собора.

Преемникъ Милутина краль Стефанъ Урошъ III Дечанскій (1321—1336 г.), строитель дечанскаго монастыря въ Сербіи, приложилъ Хиландару архангельскую церковь въ Шитѣ съ разными угодыями, карейской же кельѣ св. Саввы едино-временно далъ 1000 червонцовъ въ 1332 году, а соборнаго храма хиландарскаго не расписывалъ (Акты. Рѣчь).

Преемникъ его царь Стефанъ Душанъ Сильный (1336—1356 г.), завоеватель Фессаліи, Македоніи и Аѳона, въ 1345 году, съ супругою своею Августією Крѣ Еленою, посѣтилъ всѣ аѳонскіе монастыри, и украсилъ Хиландаръ всѣми добротами (Рѣчь), а святую церковь его священными одеждами, сосудами и иными потребами (актъ 1348 г.), дозволилъ супругѣ своей быть ктиторшею карейской кельи св. Саввы, и жаловалъ этой кельѣ 100 червонцевъ венеціанскихъ ежегодно, а для содержанія хиландарской больницы, купилъ у аѳонскаго Аліпсіева монастыря (нынѣ келья близъ Кутлумуша) рыбную ловлю у береговъ св. горы, въ послѣдствіи же многими грамотами своими жаловалъ Хиландару села и разныя угодыя въ Сербіи, но соборнаго храма въ немъ не расписывалъ, тогда какъ историровалъ дечанскую церковь въ 1348 году (Акты и Рѣчь).

Сынъ сего Стефана царь Стефанъ Урошъ V (1357—1367 г.) грамотами своими, данными въ 6866, 69, 73 и 74-й

годы отъ созданія міра, подтвердилъ права Хиландара на владѣнія разными селами и угодьями въ Сербіи, а соборнаго храма въ немъ не расписывалъ (акты).

Преемникъ его король Волкашинъ (1367—1371 г.), не изъ царскаго рода, царубійца и похититель престола, въ кратковременное правленіе Сербіею ничего не сдѣлалъ для Хиландра. А дѣти его, Марко королевичъ, Иванишка, Андриѣшка, Митрашка, Русна и Милица, *разсыташася повсюду* (Раичъ).

Въ 1371 году братъ сего Волкашина, деспотъ Іоаннъ Угleshъ, управлявшій однимъ округомъ въ Фессаліи и жившій въ городѣ Фѣре (нынѣ Велестино), былъ во всѣхъ монастыряхъ аеонскихъ, какъ поклонникъ, и пришедши въ храмъ «прѣсвятіе Богородице хиландарскіе, и видѣвъ гробъ господина «и родителя своего святопочившаго кесара и сына своего по «плоти Угleshа, ту же множае умилился и разгорѣлся любовію «сердечною, и восхотѣ сотворити помень вѣчни себѣ и гробовомъ тѣмъ, и приложи на іезерѣ у прѣдѣле Рѣдиньскомъ «село Акротиръ съ пашищи, и съ ловищи и съ всеми меггами «и правінами села тога, и село Катѣль Влахъ именемъ Зарвинце съ всѣми пашищи и правінами села того. Сія вся да «си йма и дрѣжи церковь пресвятіе Богородице хиландарскіе «никимъ неотъемлемо до вѣка». О стѣнной живописи ни слова!

По смерти послѣдняго царя сербскаго Стефана Уроша V и по кончинѣ Волкашина, вся Сербія раздѣлилась на мелкія независимыя владѣнія. Тогда въ городѣ Струмицѣ и въ области его деспотствовалъ Константинъ съ матерью своею Евгеніею, и въ 1372, 79, 80 и 81 годахъ жаловалъ Хиландару села съ угодьями, а родной братъ его деспотъ Іоаннъ Драгашъ господствовалъ въ Кочанехъ, и въ 1377 году далъ этому же монастырю разныя угодья въ предѣлахъ своего владѣнія.

Тогда же Волкъ I-й Бранковичъ, владѣвшій городомъ Прищиною и областію его, въ 1377 и 1393 году пособлялъ ему своими щедротами. Но ни тотъ, ни другой, ни третій не расписывали хиландарскаго собора; иначе объ этомъ было бы упомянуто въ грамматахъ ихъ.

Съ 1372 по 1389-й годъ большею частію Сербіи управлялъ князь Лазарь I-й, жившій въ столицѣ своей Призренѣ. Онъ благодѣтельствовалъ аѳонскому Руссику, а Хиландару и больницѣ его жаловалъ имѣнія въ своей Сербіи, и деньгами *сто ѿни* (актъ 1380 г.)—«Повѣствуется къ тому, яко и во «святую гору аѳонскую поклоненія ради ходилъ онъ, идѣже «милостыни многи раздавалъ ту живущимъ чернцемъ, наипаче «же хотѣлъ по возможности своей въ подражаніе кралей серб- «скихъ хиландарскую церковь распространити, и призидалъ «*последнюю со запада наперть къ Милутиновѣй церкви,* «обаче не толикаго украшенія и ясности, якоже самыя стѣны «*тыя свидѣтельствуютъ».* (Ранѣ, часть III, стран. 26). Какъ бы кстати было сказать здѣсь: *и подписалъ эту церковь,* но не сказано, потому что этого не было!

Князь Лазарь I-й убитъ былъ въ сраженіи съ турками на Косовомъ полѣ 15 іюня 1389 года. По смерти его все *коренное* сербское государство раздѣлилось на двѣ части: одною частію владѣла супруга сего Лазаря Милица, съ сынами своими Стефаномъ, Волкомъ и Лазаремъ, а другою Волкъ I-й деспотъ Бранковичъ, другъ турковъ и непріятель этой Милицы. Оба они ссорились и искали суда у султана. Когда этотъ Волкъ, именемъ и нравомъ волкъ, скончался (ранѣ 1417 года); тогда Сербією управляли двѣ женщины: супруга этого Волка Мара, съ дѣтьми своими Георгіемъ, Григоріемъ и Лазаремъ, и мать ея, вышерѣченная Милица, съ дѣтьми своими. Эта Милица, въ монашествѣ Евгенія, скончалась въ 1405 году 11 ноября, ничего не сдѣлавъ для Хиландара. А она Мара

пережила ее, и въ 1417 году пожаловала этому монастырю село Ораховацъ со всѣми угодьями его, потому что турки отняли у него всѣ метохы и всѣ села, какими онъ владѣлъ до сей поры (Акты. Раичь).

По смерти Милицы половиною Сербіи управлялъ старшій сынъ ея, деспотъ Стефанъ, до 1427 года. Онъ основалъ нынѣшнюю столицу сербовъ Бѣлградъ, построилъ ресавскій монастырь во имя св. Троицы и *подаде ту иконы, златомъ и бисерми украшенны и книги и ризы* (Раичь), а Хиландару давалъ *сто литръ серебра на всяко годише* и пожаловалъ нѣсколько сель съ угодьями (акты 1405, 10, 11 год.), церкви же его не расписывалъ.—Не расписывали ее и современники его, деспотица Евпраксія, завѣщавшая этому монастырю село Ябльчье (актъ 1405 г.), и властель албанскій Иванъ Кастриотъ, который въ 1426 году приложилъ Хиландару два села, Радостуши и Требище, и купилъ у него Пиргъ св. Георгія (нынѣ, такъ называемый, скитъ арбанасскій близъ Хиландара) для сербскихъ монаховъ изъ Албаніи (Акты).

«Деспотъ Стефанъ умеръ 19 іюня 1427 года, безчаденъ: братья же его: Волкъ и Лазарь, дѣти Милицы, отъ турковъ погублены быша. И тако пренесенъ деспотское достоинство на домъ Бранковичевъ» (Раичь).

ДЕСПОТЫ БРАНКОВИЧИ.

Новый деспотъ Сербіи Георгій Бранковичъ, второй сынъ извѣстнаго намъ Волка I, именемъ и правомъ волка, былъ самый несчастный правитель (1427—1457). Тѣснимый турками, онъ въ 1435 году покинулъ свой деспотатъ, и съ многими сербскими семействами переселился въ Венгрію, гдѣ и получилъ во владѣніе отъ императора Сигизмунда 13 городовъ, и въ числѣ ихъ Токай; но не долго жилъ тамъ, снова воротился

въ Сербію около 1443 года, и управлялъ ею до 1455 года, въ который турки заняли его царство, потомъ странствовалъ по разнымъ мѣстамъ и умеръ на чужбинѣ. Во время его деспотства весьма многіе сербы въ 1438 году во второй разъ переселились въ Венгрію. Этотъ Георгій устраивалъ свято-Павловскій монастырь на Аѳонѣ, съ 1430 года жаловалъ есфигменской обители 50 литръ серебра ежегодно, а лавръ св. Аѳанасія 120 литръ серебра съ 1452 года, и Ватопеду 60 литръ серебра, Хиландарю же не давалъ ни полупшки, вѣроятно, потому что еще мать его Мара пожаловала ему село Ораховаць.

Георгій Бранковичъ, умирая, поручилъ управление Сербіею женѣ своей Иринѣ и тремъ сынамъ своимъ, Григорію, Стефану и Лазарю, изъ которыхъ первые два были ослѣплены турками. Но, по смерти его, младшій Лазарь II-й отравилъ мать свою, а братьевъ разогналъ, да и самъ безчадный умеръ отъ какого-то недуга въ декабрѣ мѣсяцѣ 1458 года, ничего не сдѣлавъ для Хиландара.

«Старшій братъ его Григорій, въ нищетѣ и скудости странствуя, и бояся, да не каго отъ безчеловѣчнаго брата поймавъ и живота лишенъ будетъ, въ монашескій куколь и мантию, вмѣсто порфиры и вѣнца деспотскаго, подъ именемъ Германа въ Хиландарѣ облечеса». (Ранць). А другой братъ его, Стефанъ слѣпецъ, странствовалъ по разнымъ мѣстамъ.

По смерти Лазаря II, послѣдняго деспота сербскаго, одни изъ сербовъ остались вѣрны супругѣ его Еленѣ, гречанкѣ изъ царственнаго дома Палеологовъ, а другіе въ 1459 году 3 февраля избрали начальникомъ своимъ Михаила Абоговича, служившаго при дворѣ онаго Лазаря. Но Елена позвала его къ себѣ на обѣдъ 30 марта того же года, и тутъ связала его и отправила въ Венгрію, гдѣ онъ и очутился въ тюрьмѣ. А сама она, не захотѣвъ покориться султану Магомету, который въ 1459 году окончательно овладѣлъ всею Сербіею безъ кровопролитія, пере-

бралась въ венгерскій городъ Будимъ, и оттуда съ 1504 года ежелѣтно посылала Хиландару 100 червонцовъ, *сотворивъ приношеніе отъ маліе силе своеи пресвятѣи Богородици хиландарской съ тѣмъ*, чтобы въ каждый вторникъ служилась литургія о здравіи ея, а по смерти совершалось поминовеніе, *якоже есть обычно стѣмъ ирѣмъ и ктитормъ* (актъ). Въ грамматѣ ея нѣтъ и помину о распisanіи хиландарской церкви. Да за 100 червонцовъ и не расписать ее!

Между тѣмъ братъ Лазаря II, Стефанъ слѣпецъ, захотѣлъ быть деспотомъ Сербіи. Нѣкоторые въ 1461 году признали власть его, а всѣ остальные *изволили паче подѣ шомъ турскимъ стѣнати, нежели своему государю повиноватися*, и выслали его въ Албанію. Тутъ онъ, *ни стопы земли неимущій и ни отъ кого за деспота не признанный, едино точию голое тѣтло носящій*, женился на Ангелинѣ, дочери диррахійскаго и авлонскаго властеля Арианита Комнина, и съ нею переселился въ Италію, гдѣ и скончался, оставивъ двухъ наслѣдниковъ гогого тѣтла своего, Георгія и Іоанна, изъ которыхъ первый постригся въ монахи до 1485 года, и въ послѣдствіи былъ архіепископомъ сербскимъ подѣ именемъ Максима, а второй оставался при матери своей уже въ Венгріи. (Равчъ). Эта деспотица Ангелина и сынъ ея Іоаннъ въ 1496 году начали давать аѳонскому монастырю св. Павла *отъ убоиіе пазухы своея 500 златикъ на всяку годину*, а съ 1499 года продолжали денежное жалованье деспота Георгія Бранковича обители есфигменской, Хиландару же не давали ни одной литры серебра. Ничего не давали ему и современные имъ деспоты жившихъ въ Венгріи сербовъ, Волкъ и Павелъ Бранковичи. Хрисовулы Ангелины и сына ея Іоанна и вышепомянутой деспотицы Елены (1504 года) суть послѣднія сербскія грамматы, жалованныя аѳонскимъ обителямъ. Съ конца 15 вѣка Богъ послалъ имъ новыхъ ктиторовъ, имено, господарей влахомолдавскихъ и царей россійскихъ.

Итакъ ни лѣтописи Сербіи, ни жалованныя Хиландару грамматы кралей, царей, деспотовъ и деспотицъ ея, съ 1275 года по 1504-й, не представляютъ намъ свидѣтельства о расписаніи соборной церкви этого монастыря; а эти же акты говорятъ: кто изъ предержавшихъ создалъ эту церковь, кто построилъ къ ней западный притворъ, кто молился въ ней усердно и украшалъ ее иконами, ризами, утварью, книгами, и кто приписывалъ къ ней села и деревни, и жаловалъ ей деньги изъ убогой пазухи своей. Посему невозможно относить хиландарскую стѣнопись ни къ 14, ни къ 15 вѣку, ни даже къ началу 16-го столѣтія. Амины!

Вы возразите, или другой кто возразитъ, что, можетъ быть, стѣнопись эта произведена была въ оные два вѣка иждивеніемъ не владѣтельныхъ особъ, а частныхъ лицъ, или на счетъ монастыря, но не осталось никакой записи о ней?

Отвѣчаю на это возраженіе.

Что можетъ быть, то можетъ и не быть. *Potentia non est existentia, et a posse ad esse non valet consequentia.* О возможностяхъ разсуждаетъ философія, физика, фізіологія, дипломатія, но не исторія. Въ этой исторіи нѣтъ мѣста такому разсужденію. Тутъ оповѣщается дѣйствительность; тутъ художественная правда свидѣтельствуется надписью на кампѣ, или полотнѣ, грамматою царя, или замѣткою книжника; тутъ описывается картина, икона, исторированная церковь; тутъ разсказывается жизнь художника, его вѣкъ, его искусство, или пѣшибъ, т. е. умѣнье пошибить другихъ художниковъ своимъ превосходствомъ. Подайте мнѣ вотъ такія, наглядныя и осязаемыя, доказательства воспроизведенія хиландарской стѣнописи иждивеніемъ частныхъ лицъ въ 14, или 15 вѣкѣ, а о возможностяхъ не говорите.

Я же представилъ вамъ историческія свидѣтельства о времени постройки хиландарской церкви и объ украшеніи ея раз-

нымъ добромъ, но не стѣнописью, на счетъ особъ владѣтельныхъ въ теченіи 14 и 15 вѣковъ. А теперь прошу знать твердо, что въ Хиландарѣ есть не мало записей сербскихъ патріарховъ, архіереевъ и монаховъ того же и слѣдующаго времени, но ни въ одной изъ нихъ нѣтъ и помину о расписаніи тамошней церкви. Прошу принять къ свѣдѣнію и то, что въ библиотекѣ сего монастыря я пересмотрѣлъ всѣ рукописи 14 и 15 вѣковъ, отъ доски до доски, и не нашелъ въ нихъ никакой замѣтки объ искомомъ предметѣ. Наконецъ, прошу вдуматься и въ то, что сейчасъ скажу.

На Аѳонѣ съ 10 вѣка по 16-й не было обычая расписывать церкви. Въ этотъ кругъ времени стѣны ихъ украшались иконами и мозаикою. Въ 1060 году игумень лавры св. Аѳанасія Іоаннъ построилъ въ ней соборный храмъ съ колокольнею и съ прекраснымъ фіаломъ водосвятнымъ, который вы видѣли, но не расписывалъ ихъ (Надпись). Этотъ храмъ исторированъ уже въ 1535 и 1560 годахъ Теофаномъ и Фралгомъ. Около 1110 года ватопедскій игумень Іоанникій, тотъ самый, котораго святогорцы посылали къ царю Алексѣю Комнину ходатайствовать о снятіи патріаршаго запрещенія со всего Аѳона, по случаю допущенія переодѣтыхъ пастушекъ въ тамошніе монастыри для услугъ, — этотъ игумень украсилъ соборъ своей обители мозаическими изображеніями, кои видны нынѣ, но не расписывалъ его. Уже инокъ Арсеній, при царѣ Андроникѣ, въ 1312 году историровалъ его. Однако это нововведеніе на Аѳонѣ осталось безъ подражанія на 200 слишкомъ лѣтъ. По истеченіи сего времени, въ 1534 году протъ Серафимъ, какъ это я докажу вамъ въ другомъ письмѣ, историровалъ протатскій соборъ; потомъ расписывались храмы въ Ксенофѣ, Ставроникитѣ, Русикѣ, Иверѣ и далѣе. Итакъ, знатокъ исторіи стѣннаго иконописанія на Аѳонѣ не хочется и думать о томъ, что хиландарскій монастырь на свой счетъ сталъ бы

малевать свою церковь въ 14 или 15 вѣкѣ. Тогда онъ подкрашивалъ бы себя наперекоръ общему мѣстному обычаю. Аѳонское стѣнописаніе появилось и всѣмъ полюбилось уже въ 16 вѣкѣ, и вотъ почему. Послѣ взятія Константинополя турками въ 1453 году и послѣ покоренія Фракіи, Македоніи, Фессалии, Греціи, Эпира, Болгаріи, Сербіи игу ихъ, былъ такой испугъ въ православныхъ христіанахъ, такая разстроенность жизни семейной и гражданской, что почти всѣ знатные и богатые люди семействами уходили въ мужскіе и женскіе монастыри, и особенно на Аѳонъ и въ Метеоры, и сносили туда свои сокровища, иконы, мощи, книги, жемчугъ, деньги. Это—фактъ! Ихъ уныніе искало себѣ отрады, утѣшенія, ободренія; и вотъ они употребили свои деньги на улучшеніе своихъ обителей и на расписаніе тѣхъ святилицъ, въ которыхъ лились ихъ слезы при мысли о гибели отечества, и любили изображать тутъ мучениковъ, въ бодренномъ и предзнаменательномъ величіи ихъ, и преподобныхъ мужей, съ выраженіемъ ихъ покорности волѣ Божіей и ихъ презрѣнія суетнаго міра. А Провидѣніе послало имъ *ἀρίστους ἀγιογράφους* (изрядныхъ живописцевъ) Панселина, двухъ Теофановъ, Фралга и другихъ.

ХІ.

Петербургъ. 1862 года 21 ноября.

Панселинъ расписалъ хиландарскій соборъ въ 16 вѣкѣ. Но этотъ вѣкъ, какъ и всякій другой вѣкъ, состоитъ изъ 100 лѣтъ, или 36,500 дней, или 876 000 часовъ. Такъ долго жить Панселинъ могъ, а работать не могъ. Въ какіе же годы сего вѣка произведена имъ хиландарская стѣнопись? И на чей счетъ?

Отвѣтовъ на эти вопросы сперва повѣщемъ въ книгѣ *Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ* ¹⁾, а потомъ

¹⁾ Часть I. 1858 г.—Эта книга есть не что иное, какъ сборникъ разныхъ актовъ, хранящихся въ архивѣ нашего министерства иностран. дѣлъ. Ее составилъ А. Н. Муравьевъ.

потребуемъ ихъ отъ разсудка—этого слѣдователя, который отыскиваетъ правду по извѣстнымъ даннымъ.

Раскрываю оную книгу, и прочитавъ ее внимательно, передаю вамъ, вкратцѣ, содержащуюся въ ней хиландарскую правду.

Въ первой половинѣ 16 вѣка хиландарскій монастырь находился въ жалкомъ состояніи. Въ августѣ мѣсяцѣ 1548 года пріѣхалъ въ Москву игумень сего монастыря Паисій съ тремя старцами, и царю Іоанну Грозному подалъ челобитную, въ которой, между прочимъ, написано было, что «монастырь ихъ обветшалъ, и келліи всѣ порушились, и въ долгъ подпалъ; сосуды церковные, золотые и серебрянные, кресты честные и евангелія святые, и кадильницы и рипиды и иная утварь церковная позаложены у турковъ и жидовъ на ростъ за 1500 рублей, а ниоткуда помощи не имѣеть святой монастырь въ здѣшнихъ земляхъ, какъ и прежде писали твоему царству, кто бы о монастырѣ печаловалъ и тѣ сосуды освободилъ отъ поганыхъ рукъ, или кто бы монастырю ограду обновилъ и стрѣльницы и келліи соорудилъ.... Хотѣли мы отъ монастыря разойтись, но боимся суда Божія... Того ради молимъ, царю, доспѣй великую себѣ славу въ здѣшнихъ земляхъ, и украси монастырь св. Саввы, и отъ долга откупи... да пошли до турецкаго султана свое царское слово, дабы съ насъ дани не бралъ» и проч.

Царь Іоаннъ внялъ прошенію старцовъ, и въ сентябрѣ 1551 года далъ имъ свою грамоту къ султану, въ которой просилъ его облегчить дани, взимаемыя съ Хиландара. О деньгахъ ни слова! Но предполагается, что преподобные челобитчики воротились изъ Москвы не безъ подацій.

Итакъ, оказывается, что Хиландаръ ранѣе 1548 года, да и позже, въ 1551 году, находился въ самомъ жалкомъ состоя-

ни, и слѣдовательно не могъ историровать соборной церкви своей.

Въ 1555 году этотъ монастырь опять прислалъ къ Грозному епископу своего Сильвестра съ братією бить челомъ о помощи. Грозный принялъ ихъ милостиво, и въ 1556 году пожаловалъ обители ихъ богатую завѣсу къ царскимъ вратамъ, которая хранится тамъ понынѣ, и 300 рублей милостыни. А царевичъ Іоаннъ послалъ отъ себя серебрянопозлащенную панагію съ жемчугомъ, родной же братъ Грознаго князь Юрій далъ 50 рублей.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1571 года хиландарскому монастырю подаренъ былъ дворъ въ Москвѣ со всѣми потребными хоромами, и утвержденъ грамотою царя Іоанна. Въ томъ же, или въ слѣдующемъ году хиландарцы отблагодарили Грознаго письмомъ, которое я видѣлъ, читалъ и списалъ въ 1846 году. Въ этомъ письмѣ сказано: а) пожаловалъ еси государь святыи монастырь своею царскою грамотою съ золотою печатью, и въ ней вписалъ еси, бабо еси восприелъ стѣи монастырь на свое царское име и хоцещи его устроить и жаловати.... И пожаловалъ еси дворъ на Москви на прїѣздъ аримандриту и братіямъ, коли приходеть къ тебѣ солнцу христіанскому на милостыню.... б) Пожалуй царь и государь, прикажи устроить церковь въ томъ же двору.... в) И пожаловалъ еси стѣю церковь, украсилъ еси утварми царскими храмъ введеніе Пречистіе Хиландара монастыра. Послалъ еси ризы жемчугомъ саждени.... священную катапетазму, красоту неизрѣченну и доброту неисповѣдиму.... г) Еще ж пожаловалъ емъ чѣ рублевъ денегъ.... и сѣнь твой царевичъ Иванъ Ивановичъ панагію серебряну позлатисту, и благовѣрній князь Георгіе Васильевичъ братъ стѣго ти царства н рублевъ. д) И тѣмъ стѣи мѣрь ѿ долга испихомъ и съсуди цѣрковны ѿ невѣрныхъ рукъ изведошесе и въ свое мѣсто положеніи быше въ святѣю цѣрковь....

е) * Устрой стѣи мѣрь. Ѹтверди его стѣни и келіе нови. и стрѣльнице Ѹкрѣпи. пачежъ стрѣльницу стѣго чудотворца Николи иже есть Ѹ вратѣхъ монастырскихъ... вса бо сѹт обѣтшала, и зреть къ поновленію. *Точію едина стѣая црѣковь во своей красотѣ пребываетъ...* (Далѣе испрашиваются разныя милости). ж) Аще сіа исальниши. уповаемъ на Ба̄ и пречистѹю Богоматерь. неоскудѣеть отъ твоего царства горсть муки и чванаць масла, по пророку. Отнелиже въспрїеть стѣи мѣрь на свое царское име Ѱтолѣ и пречиста дарова твоему стѣму царствѹ казанское царство и астраханское. (Первое пало въ 1552 г., второе въ 1557 г.) з) И къ тому всемилостивїи Бѣ и пречистаа Бѣгмати да приложет дни и лѣта лѣтомъ твоему стѣму царству, и да ти покоретъ подъ нозѣ езикъ агаренскы и въспрїетіе Константинѹ градѹ, Понтѹ же и Тракіе и всеа Македонїи. (Каково? Аѳонцы умѣютъ выпросить лишній рубль!).

По прочтенїи сего письма и подробнаго отчета въ немъ объ употребленїи царскихъ денегъ, никто не скажетъ, что въ 157^{1/2} году могла быть расписана хиландарская церковь. Не смѣю сказать этого и я, хотя и подстрекають меня къ тому слова: *едина святая церковь во всей красотѣ пребываетъ.* Ибо эти слова, въ связи съ предъидущими и послѣдующими жалобами и просьбами хиландарцовъ, внушаютъ ту одну мысль, что весь монастырь ихъ обветшалъ, кромѣ главной церкви, которая тогда во всей красотѣ своей стояла нерушимо.

Хиландарцы, живя въ московскомъ подворьѣ своемъ, собирали добротныя подаванїя христіанцевъ. Въ 1582 году Іоаннъ Грозный послалъ въ ихъ монастырь 700 рублей, на поминованїе души убитаго имъ царевича Ивана, при отпускѣ же далъ епископу Григорію, такъ же на поминъ царевича, 60 рублей и 40 кунидъ, и 20 рублей чetyремъ старцамъ его. Съ этой поры началось обновленїе и украшенїе славяно-сербской лавры на московскїя деньги. Изъ надписей ея видно,

что въ 1605 году написанъ былъ образъ св. Николая чудотворца для больницы; въ 1610 году выстроены были братскія кельи въ юговосточномъ углу сей лавры; въ 1622 году расширена была въ ней братская трапеза, и такъ далѣе.

Но когда исторированъ былъ соборный храмъ ея?—Положительнаго отвѣта на сей вопросъ, увы! нѣтъ нигдѣ, ни въ актахъ Хиландара, ни въ надписяхъ его, ни въ книгѣ о сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ. Какъ же быть? Какъ узнать художественную правду? Какъ опредѣлить годы работъ Панселина?—Остается прибѣгнуть къ суду и рѣшенію разсудка, этого слѣдователя, которому извѣстны *друія данныя*, открывающія искомую правду. Итакъ послушаемъ, что онъ скажетъ.

Онъ судоговорить и опредѣляетъ:

«Аѣонохиландарское преданіе, записанное въ 1744 году грамотнымъ и добросовѣстнымъ паломникомъ Барскимъ, гласить, что хиландарскій соборъ древле исторированъ былъ грекомъ Панселиномъ. А аѣонопротатское преданіе, записанное тѣмъ же Барскимъ, трубить, что этотъ самый Панселинъ историровалъ протатскій соборъ въ аѣонской Кареѣ».

«Но такъ какъ протатскій соборъ, по свидѣтельству путешественника и писателя (17 вѣка) Рикд, читавшаго надпись на стѣнѣ этого храма, былъ возобновленъ въ 1534 году, исторированъ же при протѣ Серафимѣ ранѣе 1548 г., къ котрый онъ уже не первенствовалъ на св. горѣ, какъ это видно изъ достовѣрнаго житія его друга и сподвижника Теофила; то и оказывается несомнѣннымъ, что тогда же существовалъ и Панселинъ и приглашенъ былъ онымъ Серафимомъ историровать сказанный соборъ, либо въ 1534-мъ, либо въ слѣдующихъ годахъ, до 1548 лѣта Господня.

«А по справкамъ, взятымъ изъ архива московскаго по-сольскаго приказа, оказалось, что ранѣе 1548 года хиландарскій монастырь клонился къ разрушенію, и уже съ 1556 года

началъ получать не скудную помощь изъ Москвы, гдѣ ему дано было и подворье въ 1571 году, и гдѣ царь Іоаннъ Грозный и братъ его Юрій жаловалъ ему свои деньги до 1582 года. Посему надобно полагать, что Панселивъ призванъ былъ этимъ монастыремъ историровать соборную церковь въ немъ не ранѣе 1556-го и не позже 158²/₃ года: не ранѣе, потому что нечего было дать этому художнику за труды и краски его даже въ 1571 году, когда Хиландарь выкупили церковную утварь свою: не позже, потому что, если онъ въ 153⁴/₅ году расписывалъ протатскій соборъ 20-ти лѣтъ отъ роду (что доказываетъ и портретъ его почти безбородый), то въ 158²/₃ году ему было около 70 лѣтъ, а послѣ такихъ лѣтъ трудно художнику производить такую работу, какова стѣнная живопись въ большой и высокой церкви».

«Показаніе сего времени 1571—158²/₃ г.) оправдывается слѣдующимъ замѣчаніемъ Барскаго о хиландарской стѣнописи: «иконописаніе по верхамъ и стѣнамъ всего храма несравненно иныхъ монастырей превозвышающее, аще же не многолѣтное, *но аки новое зряшеся быти*». Такъ какъ отъ 1571/₈₃ года до 1744-го, въ который Барскій былъ въ Хиландарѣ, прошло только 173 или 160 лѣтъ; то не удивительно, что тамошняя стѣнопись показала этому паломнику *аки новая*. Отнесите ее къ другому времени, на примѣръ, къ 13, или 14 и даже къ 15 вѣку: вы не поймете Барскаго».

Я доволенъ этимъ судоговореніемъ разсудка, потому что его не опровергають ни старинныя лѣтописи Сербіи, ни древніе акты Хиландра, напротивъ подтверждаютъ, и потому что оно само въ себѣ есть такой силлогизмъ, въ которомъ главныя *посылки* неопровержимы.

Выражаю этотъ силлогизмъ:

По свидѣтельству г. Рикѡ протатскій соборъ возобновленъ въ 1534 году. А по свидѣтельству составителя житія преподоб-

наго Теофила аеонскаго, онъ расписанъ при протѣ Серафимѣ, равнѣ 1548 г.

Преданіе же гласить, что расписывалъ его Панселинъ.

Слѣдовательно, этотъ художникъ работалъ на Аеонѣ около 15³⁴/₄₈ года.

Онъ же, по преданію, расписалъ и хиландарскій соборъ.

А такъ какъ Хиландаръ около 1548 года клонился въ разрушенію, обновляться же началъ съ 1571 года, когда у него было золотое руно въ Москвѣ, и когда онъ выкупилъ свою церковную утварь;

То и приходится заключить, что Панселинъ произвелъ въ немъ стѣнопись во время, протекшее между 1571 и 158²/₃ годами, въ которые онъ былъ уже старъ.

Повторяю, что я доволенъ такимъ судоговореніемъ, и подписавшись—

Согласенъ А. Порфирій,

продолжаю свои розысканія о пресловутомъ художникѣ.

XII.

Петербургъ. 1862 г. 24 ноября.

Нашъ паломникъ Барскій въ 1744 году слышалъ на Аеонѣ, что Панселинъ расписалъ три тамошнія церкви, именно, протатскую, руссиковскую и хиландарскую, а я, паломникъ же, въ 1859 году слышалъ отъ аеоно-карейскаго иконописца Макарія, что Панселиномъ расписана была и четвертая церковь, въ нагорной кельѣ, прозываемой Моливокліся, близъ Кареи, и, услышавъ это, пожелалъ видѣть сію церковь, и видѣлъ ее. Что же оказалось?—Оказалось, что на стѣнахъ ея написаны въ ростъ лики тѣхъ же мучениковъ, которые изображены въ протатскомъ соборѣ, и что тамъ и тутъ замѣтно большое сходство этихъ ликовъ, съ тою разницею, что въ моливоклісійской церкви употреблено много охренной краски, вѣроятно, по скудости строителя ея. Такое сходство оправдало сообщенное отцомъ Макаріемъ преданіе о работѣ Панселина въ этой

церкви. Оставалось узнать, кто и когда построил моливоглиційскую келью, или священный храм ея, дабы опредѣлить время жизни этого пресловутаго художника. Узналъ я и это изъ слѣдующей славяно-сербской надписи, начертанной на стѣнѣ храма.

«Изволеніемъ оца и поспѣшеніемъ сѣна и сѣвршеніемъ стго дѣха воздвигесе сей храмъ, ѹспеніе прѣстѣе влче наше Бѣце и прѣодѣвы Маріи. Въ лѣто 3мѣ (1537 г.) свершисе мѣца октовріа къ дѣнь. кроугъ слѣцу къ. лѣны ѣ. Тем... епахта ѣ. пндикто ѣі. О семъ потрудисе многогрѣшныи... въ скимѣ поименованны макаріе и дмитрыяни»... (Дальнѣйшія слова, къ сожалѣнію, осыпались; а было мѣсто и для подписи живописца).

Узнавши же годъ постройки моливоглиційскаго храма, расписаннаго Панселиномъ, я въ радости сказалъ самъ себѣ: «такъ вотъ когда жилъ и работалъ на Аѳонѣ этотъ художникъ! Около 1537 года! А-а-а! Понимаю теперь, почему протатская стѣнопись, при сырости мѣста, не испортилась: да она произведена была Панселиномъ не очень давно. Понимаю теперь, почему этотъ живописецъ изобразилъ въ Протатѣ мученика Меркурія съ кривымъ тесакомъ нѣмецкимъ: да онъ жилъ — былъ въ 16 столѣтіи! Справедливо же Діонисій Фурноаграфіотъ назвалъ его живописцомъ новымъ!» — Это нечаянное, первое свѣдѣніе о времени художественныхъ работъ Панселина на Аѳонѣ, оставившаго тамъ неизгладимую память по себѣ, залегло въ моей душѣ какъ данное, которое въ послѣдствіи подтвердилось и уяснилось всѣми разысканіями моими объ этомъ живописцѣ. И замѣтка въ житіи преподобнаго Теофила о расписаніи протатскаго собора въ дни прота Серафима ранѣе 1548 года, и запись путешественника Рикѳо о возобновленіи этого собора въ 1534 году, и лѣтописи Сербіи, и дѣписанія Хиландара, чтущаго намѣть Панселина, и книга о

сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ,—все это привело меня къ окончательному заключенію, что Панселинъ работалъ на Аѳонѣ въ 16 столѣтіи. Въ 153⁴/₅ году онъ расписалъ соборъ протатскій, въ 153⁷/₈ году—храмъ моливоклисійскій, послѣ 1571 года—милутинскую церковь въ Хиландарѣ.

Здѣсь слѣдовало бы мнѣ закончить розысканія мои о времени работъ сего художника на святой горѣ. Но приливъ новыхъ свѣдѣній о протатскомъ соборѣ и о старомъ Руссиѣ заставляетъ меня исправить мои прежнія не вѣрныя показанія годовъ, въ кои Панселинъ работалъ тамъ и тамъ, и ложное предположеніе о рожденіи его около 1470 лѣта Господня.

XIII.

С.-Петербургъ. 1862 г. 2⁶/₉ ноября.

Прежде (20 декабря 1861 г.) я писалъ вамъ, что протатскій соборъ исторированъ былъ при протѣ Серафимѣ около 15¹⁰/₁₁ года. Это показаніе мое не вѣрно. Отрицаю его, и представляю вамъ теперь сущую художественную правду. Выслушайте меня кротко и терпѣливо, и простите мнѣ невольную ошибку, которая произошла отъ недостатка тогдашнихъ свѣдѣній моихъ объ искомомъ предметѣ.

Основательно я зналъ тогда, что протѣ Серафимъ историровалъ сказанный соборъ послѣ пристройки къ нему паперти, но пристройку-ту сію помѣстилъ я не тамъ, гдѣ онъ сдѣлалъ ее. Отъ этого произошла вся ошибка.

Протатскій соборъ имѣетъ двѣ паперти, западную и сѣверную. Первая построена была Богданомъ воеводою въ 1508 году (надпись). Но въ то время протомъ св. горы былъ не Серафимъ, а Паисій; слѣдовательно?.. отца Порфирія надобно поставить на поклонъ въ сѣверной паперти, построенной Серафимомъ.

Протъ Паисій въ 1508 году письмомъ увѣдомлялъ нашего великаго князя Василя Ивановича о томъ, что милостыня его, (160 златницъ) получена, и что имена родителей его, Ивана и Софїи, вписаны во всѣхъ монастыряхъ на проскомїидїи для поминовенїя. Великій князь Василій 24 іюня 1509 года послалъ ему пять сороковъ соболей и 5000 бѣлокъ на 18 монастырей св. горы игуменамъ и всей братїи (Сношен. съ Вост. часть 1).

Послѣ Паисїа извѣстенъ протъ Савва, управлявшій св. горою въ 1513 году. Савву смѣнилъ протъ Симеонъ. Его извѣщалъ великій князь нашъ Василій въ мартѣ 1515 года, что съ послами его отправлена большая милостыня (2000 руб. сер.) для раздачи всѣмъ монастырямъ аѳонскимъ, ради молитвъ за усопшихъ родителей и предковъ его (Сношен. съ Вост. ч. 1).

Въ 1520 году протомъ св. горы былъ Дорошеѣ, въ 1526 году Гавріиль. Тогда онъ расписалъ маленькій придѣлъ Предтечи надъ папертью, построенною Богданомъ воеводою, и это доброе дѣло свое увѣковѣчилъ тутъ надписью. Его имя я прочелъ на одной большой иконѣ, поставленной надъ иконо-стасомъ внутри алтаря протатской церкви.

Въ 1528 году на Аѳонѣ начальствовалъ протъ Калистратъ. Въ 1534 году возобновлена была сказанная церковь. Свидѣтельство объ этомъ событіи *недавно* я нашелъ въ французской книгѣ г. Рикò. Вотъ оно: «Cette église (*ἡ κοίμησις τῆς παναγίας* le dormir de la sainte Vierge) qui est très ancienne, fut réparée, il y a environ 164 ans, comme on le voit par une inscription qui se trouve sur l' une de murailles» ¹⁾. Эта находка образумила мѣня. Свѣривши замѣтку г. Рикò съ жизнеописаніемъ преподобнаго Теофила аѳонскаго, гдѣ упомянуто о постройкахъ прота Серафима и о расписанїи

¹⁾ Histoire de l' estat present de l' Eglise grecque et armenienne par M. le chevalier Ricaut, traduite de l' Anglais par M. de Rosemond. à Amsterdam, 1698.

протатской церкви ранѣе 1548 года, я убѣдился, что этотъ протъ въ 1534 году пристроилъ къ ней сѣверную паперть, которая существуетъ и теперь, и что при немъ Панселинъ историровалъ всю эту церковь, либо въ томъ же году, либо въ слѣдующемъ.—Это убѣжденіе мое есть вѣнецъ всѣхъ кропотливыхъ розысканій моихъ о времени работъ сего художника на св. горѣ аеонской.

Прежде я оцупью ловилъ тѣнь его, и ловилъ въ близкомъ разстояніи отъ нея, а теперь поймалъ ее и засадилъ въ домикъ памяти, т. е. въ это письмо свое. Трудно кому нибудь выпустить ее отсюда и угнать во мракъ вѣковъ, предшествовавшихъ 15³⁴/₄₈ году. Ибо ее стерегутъ два неумолимые аргуса:—справа—составитель жизнеописанія Теофила, слѣва—Рикъ: а надъ ними парить тѣнь прота Серафима съ хартією въ рукѣ, на которой написано: *ἠκοδόμησα τὸν ναρθύκη τοῦ Πρωτάτου ἐκ βάρων καὶ τὸ κλητῶναρεῖον, καὶ τὴν ἐκκλησίαν ἱερόνισα.* Т. е. я построилъ паперть Протата съ основаній, и колокольню, и расписалъ церковь.

Панселинъ историровалъ протатскій соборъ въ 153⁴/₅ году, и, какъ гласитъ аеонское преданіе, написалъ свой портретъ въ протъ—Серафимовской паперти у двери этого собора. Тутъ сія живописная памятка его существовала очень долго, и около 1798 года перенесена была живописцомъ Дамаскинымъ въ нагорную келью его, гдѣ и отподоблена спутникомъ моимъ Благовѣщенскимъ. Присмотрѣвшись къ ней, я долженъ сказать, что Панселинъ въ 1534 году былъ очень молодъ. Пробившіеся усы и едва показавшіеся волосы на окраинѣ голаго подбородка его доказываютъ, что тогда ему было не болѣе 22, или 20 лѣтъ отъ роду. Если это вѣрно; то надобно полагать, что онъ родился въ 1512 году или 1514. А лице его красиво! Онъ былъ молодецъ. Когда вы приѣдете въ Питеръ, который бока мнѣ вытеръ; тогда полюбуется *пресловутымъ.*

А пока примите мое новое раскаяніе въ прежней археологической погрѣшности моей и простите меня. Изъ Одессы я наскорѣ написалъ вамъ (Р. С. 22 сентябр. 1861 г.), что въ протатскому собору пристроена была сѣверная паперть около 1798 года. Но мнѣ не слѣдовало писать этого, потому что на клочкѣ бумаги, на который я сослался тогда, замѣчено только то, что въ сказанномъ году починенъ былъ оный соборъ, а о постройкѣ оной паперти нѣтъ и помину. Отношу теперь эту постройку къ 1534 году, вѣря свидѣтельству о ней составителя житія препод. Теофила и прота Серафима, и не смѣшивая ее съ западною папертью, созданною Богданомъ воеводою въ 1508 году при протѣ Пансіѣ, и послѣ этого исправленія погрѣшности своей считаю не излишнимъ сказать кстати: какъ во время починки протатскаго собора въ 1798 году могла изгладиться надпись въ жертвенномъ отдѣленіи алтаря его, свидѣтельствовавшая о расписаніи этого храма Панселиномъ. Думается, что работники, подшивавшіе тутъ деревянный потолокъ, положили на свои подмости половую доску подлѣ оной надписи, и возясь тутъ, вытерли ее этою доскою ненамѣренно.

Розысканіе мое о времени расписанія протатскаго собора кончено.

А повѣрка преданій о художественныхъ работахъ Панселина въ Пандократорѣ и Русикѣ начинается снова.

Кто первый сказалъ, что пандократорскій соборъ расписанъ былъ этимъ художникомъ?—Въ краткомъ описаніи св. горы, которое составилъ Іоаннъ Комнинъ врачъ, и напечаталъ въ 1701 году, замѣчено, что этотъ соборъ исторированъ удивительнымъ образомъ (*ἄλλος μὲ ἱστορίαν θαυμάσιον ἱστορισμένος*); но вѣтъ и помину ни о времени исторированія его, ни о Панселинѣ. Послѣ Комнина нашъ Барскій два раза былъ въ Пандократорѣ, въ 1725 году и 1744-мъ, и записалъ, что

этотъ монастырь *имать церковь прекрасну, внутри иконописанну*; а Панселиномъ ли она расписана была, или кѣмъ другимъ, объ этомъ не сказалъ ни слова, хотя и слышалъ, что оный художникъ работалъ въ Протатѣ, Русикѣ и Хиландарѣ, и видѣлъ тутъ произведенія кисти его. Я въ 1846 году нѣсколько дней провелъ въ обители, о которой идетъ рѣчь, и многократно любовался тамошнею стѣнописью, но ни отъ кого не слышалъ, что она произведена была Панселиномъ. Послѣ меня въ 1849 году весь Аѳонъ обошелъ скорымъ шагомъ А. Н. М., и въ своихъ печатныхъ письмахъ къ московскому Филарету восхвалялъ *чудную* живопись сего художника въ Пандократорѣ. Итакъ, вотъ кто, первый, письменно оповѣстилъ это: М...! Надобно ли же вѣрить ему?

«Свѣжо преданіе: а вѣрится съ трудомъ».

Изъ оныхъ писемъ видно, что Панселинъ работалъ на Аѳонѣ въ одиннадцатомъ вѣѣ. А пандократорскій соборъ построенъ въ 1363 году! Такъ вотъ послѣ этого и дивитесь, смотря тутъ на *чудную* живопись, и вѣрьте сообщенному преданію о расписаніи этого собора Панселиномъ! Я не вѣрю ни сему преданію, ни *предателю* его. Онъ самъ выдумалъ и внушилъ его пандократорцамъ, пожуривъ ихъ за истребленіе старинной живописи хорошей.—Правда, въ тотъ часъ, въ который я прежде писалъ вамъ письмо о работѣ Панселина въ Пандократорѣ, показалось мнѣ оное М-ское преданіе древнимъ и общимъ, и потому понудило меня прибѣгнуть къ всевозможнымъ, историческимъ, художественнымъ и прочимъ соображеніямъ, дабы свести Панселина съ новымъ ктиторомъ Пандократора великимъ логоуетомъ Станломъ, и видѣть тамъ перваго съ палитрою въ рукѣ, а втораго съ кошелемъ, изъ котораго сыплется деньги на уплату сему живописцу за труды его. Но теперь я не такой легковѣрный, каковъ былъ въ оный часъ недобрый. Теперь Комнинъ, Барсній и тотъ самый Пор-

Фирій, который посѣтилъ Пандократоръ въ 1846 году, не позволяютъ мнѣ почитать древнимъ и общимъ оное М-ское преданіе 1849 года. Теперь мнѣ стало извѣстно, что великій логоееть Станлъ (онъ же и Барбуль) сдѣлалъ для Пандократора вовсе не то, что я воображалъ. Онъ, по свидѣтельству Комнина врача (1701 г.) и паломника Барскаго (1744 г.), возобновилъ падшія стѣны этой обители, а не церковь ея историровалъ. Привожу слова этихъ писателей: «Τὸ ἱερόν μοναστήριον τοῦ παντοκράτορος εἶναι κτίσμα Ἀλεξίου τοῦ στρατοπεδάρχου, ὅστις ἐγένετο μετὰ ταῦτα καὶ βασιλεὺς τῶν Ῥωμαίων, καθὼς τὸ χρυσοῦλλον τοῦ διαλαμβανει. Κτήτωρ εἰς αὐτὸ ἀκόμη ἔγινεν ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ Ἰωάννης ὁ προημακῆριος. Τὸ δὲ ἐξώκασρον μετὰ τὸ νὰ ἐγκρημισθῆ εἰς πολλὰ μέρη διὰ τὴν παλαιότητα, τὸ ἀνακαίνισεν ὁ μετὰς λογοθέτης ὁ Μπαρμπουλος, καὶ ὁ Γαβριήλ, ἀπὸ τὴν Βλαχίαν ἄρχοντες τίμοι καὶ Θεοσεβεῖς».

(Комнинъ).

«Пандократорскую обитель создалъ Алексій стратопедархъ, иже бысть послѣди и царь греческій, яже и хрисовуль его тамо свидѣтельствуеть, потомъ второй ктиторий бысть и братъ тогожде Алексѣя Иоаннъ приммикирій, третій же ктиторий быша Барбуль великій логоееть и Гавріиль властелины и начальники земли волосской, который Барбуль съ тремя сынами и съ нѣкими дарованіи виѣшнее монастыря создавъ подворіе, тамо и скончася». (Барскій) ¹⁾.

Упомянутый архонъ Гавріиль (онъ же и великій логоееть Трусіано, какъ это сейчасъ узнаемъ) провелъ воду въ Пандократоръ и соорудилъ тутъ струйникъ въ 1537 году.

¹⁾ По сличеніи свидѣтельствъ обоихъ этихъ писателей оказывается, что Барскій читалъ книжку Комнина, и сказаніе его о ктиторахъ Пандократора перевелъ почти слово въ слово, однако прибавилъ преданіе о кончинѣ Барбула въ этой обители, и что слова Комнина τὸ ἐξώκασρον ἀνακαίνισεν онъ неудачно перевелъ: *внѣшнее монастыря создавъ подворіе* надлежало бы перевести: *внѣшнее укрѣпленіе возобновилъ*.

Объ этомъ благодѣяніи его гласить надпись въ западной части сего монастыря, у 19-й арки братскихъ келлій, надъ струйникомъ: ἔξοδο; καὶ συνδρομὴ τοῦ ὕδατος τοῦτου καὶ ἀπαρτίσει τοῦ ἐπιμοτάτου ἀρχοντος Κυρίου Γαβριήλ τοῦ Τρουσιανῶ καὶ μεγάλου Λογοθέτου τῆς Μολδοβλαχίας. ἔτους 3^με Τ. е. вода сія проведена ядивеніемъ и содѣйствіемъ честнѣйшаго боярина господина Гавріила Трусіанῶ и великаго логоѳета молдовахійскаго въ 7045 году. А вышерѣченный великій логоѳетъ Барбулъ (онъ же и Станлъ) возобновилъ внѣшнюю крѣпость этой обители, разрушившуюся во многихъ мѣстахъ отъ ветхости. Вотъ его помочь! За это Пандократоръ призналъ его своимъ ктиторомъ, и по смерти изобразилъ его на стѣнѣ втораго, узкаго притвора соборнаго храма, близъ мраморной гробницы, въ молитвенномъ предстоявіи предъ иконою Спасителя, а подъ изображеніемъ начерталъ славянскую надпись: «рабъ Божій Станлъ «великій логоѳетъ угрволахійскіе земли ктиторъ мѡнастыря «сего».—Знать, тутъ и погребенъ былъ сей рабъ Божій вмѣстѣ съ первымъ строителемъ монастыря Іоанномъ приммикиріемъ, въ монашествѣ Іоанніемъ.—Но Станлъ и Барбулъ есть ли одно и то же лице? спросите вы. Отвѣчаю да! Станлъ есть имя, а Барбулъ прозваніе. Чѣмъ же доказывается такое тождество? Оно доказывается тѣмъ, что Пандократоръ, изобразившій Станла, какъ ктитора своего, не имѣлъ никакихъ другихъ *древнихъ* ктиторовъ, кромѣ Алексѣя стратопедарха, Іоанна приммикирія, Барбула и Гавріила; иначе Комнинъ и Барскій указали бы ихъ, да и я не прозѣвалъ бы.—Станлъ—Барбулъ былъ современникъ Гавріила Трусіанῶ, но прежде его служилъ въ Валахіи, какъ великій логоѳетъ, и возобновилъ пандократорскую обитель. Ибо Комнинъ въ своемъ описаніи ея упомянулъ сперва о немъ, а потомъ о Гавріилѣ; Гавріилъ же, какъ мы знаемъ твердо, былъ великимъ логоѳетомъ въ 1537 году; а предъ нимъ этотъ чинъ или санъ имѣлъ Влайко,

убитый Петромъ воеводою въ 1536 году ¹⁾; слѣдовательно Станлъ Барбулъ старше даже этого Влайка. Онъ былъ изъ числа первыхъ логоетовъ Валахїи, въ которой логоетство въ первый разъ установлено было господаремъ Радуломъ великимъ, по совѣту бывшаго цареградскаго патріарха Нифонта, во время протекшее между 1490 и 1508 годами.—Послѣ такихъ основательныхъ соображеній, я никакъ не могу теперь свести Панселина съ Станломъ Барбуломъ въ пандократорской обители. Ибо этотъ великій логоеть не церковь ея историровалъ, а надшія стѣны ея возобновилъ иждивеніемъ своимъ. Коротко и ясно!—Скажутъ: если по вашему Панселинъ дожилъ до 158²/₃ года, то, можетъ быть, около этого времени онъ расписалъ ту церковь? Легко сказать это, но трудно доказать. Напротивъ, самая стѣнопись въ Пандократорѣ, молча, говоритъ громко, что ее произвелъ не Панселинъ, а другой поздній художникъ. Она не походитъ на протатскую и хиландарскую живопись ни своимъ коричневымъ колоритомъ, ни рисовкою ликовъ, сколько можно судить объ этомъ несходствѣ по уцѣлѣвшимъ стѣннымъ изображеніямъ Вседержителя, успенія и многихъ святыхъ. Всѣ лица тутъ блѣлорусы и даже рыжеваты; выраженіе ихъ сурово; а писаны они штрихами, какъ будто татуированы: что однако издали не замѣтно. Панселиновскія же лица—не суровы и не исполосованы штрихами, ни въ елассонскомъ монастырѣ, ни въ Хиландарѣ, ни въ протатскомъ соборѣ, гдѣ штрихованный образъ Предтечи рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ ликовъ, и потому долженъ быть признанъ позднимъ произведеніемъ не Панселиновой кисти. Исполосованность пандократорскихъ ликовъ напоминаетъ об-

¹⁾ Πέτρος Βοεβόδας ἢ ὁ ἐπιλεγόμενος Ράδουλ Παῖσιος Βασσαράβας (1536 ετ.) Λαβὼν τὰς ἡγίας τῆς διοικήσεως, ἀπεκεφάλισε τὸν τῆς Κραϊώβας Μπάνον Τώρα, καὶ τὸν μέγαν Λογοθέτην Βλαῖνον, ὡς ἀντάρτας. (Ἱστορία τῆς Δακίας Τ. Β'. σελ. 95).

щій вкусъ восточныхъ живописцовъ 17 вѣка. Въ Фессаліи и на Аѳонѣ я видѣлъ очень много иконъ въ этомъ родѣ (*genre*), писанныхъ въ 16^{20/40} годахъ. Такой родъ живописи любили и влахомолдавскіе иконописцы, работавшіе въ святогорскихъ монастыряхъ, какъ это замѣчено въ путевыхъ запискахъ моихъ объ Аѳонѣ. Посему я *гадаю*, что пандократорская стѣнопись произведена была художникомъ валахскимъ, послѣ того, какъ іеромонахъ Исаія устроилъ царскія врата въ тамошнемъ соборѣ въ 1627 году, а іерей Матѳей обновилъ тутъ иконостасъ въ 1640 году, или немного ранѣе (Надписи). Тогда изображенъ былъ на стѣнѣ и ктиторъ Станлъ, ликъ котораго, какъ я помню, далеко не Панселиновской работы. Замѣчательно, что пандократорцы, въ 1849 году рѣшившіе поновить стѣнную живопись въ соборномъ храмѣ своей обители, поручили эту работу художнику изъ валаховъ. Въ Валахіи находится ихъ золотое руно: тамъ и живописцы ихъ—изрядные Апеллесы!

Перемѣщаюсь изъ Пандократора въ плачущія развалины стараго Руссика, и пригласивъ васъ сюда же, умиленно прошу васъ выслушать тутъ мое *новое* разсужденіе о времени расписанія Пантелеимонова собора Панселиномъ. Сядемъ на уцѣлѣвшемъ основаніи алтаря этого храма лицомъ къ сѣверу, и разогнувъ книгу о сношеніяхъ Россіи съ Востокомъ, повѣримъ ею, что нужно повѣрить.

Прежде я сказалъ вамъ, что этотъ соборъ расписанъ былъ въ промежутокъ времени между 1502 и 1508 годами. Но теперь отрицаю это сказаніе, и назначаю другое позднее время. Слушайте меня и судите строго. Прохладный вѣтерокъ дуетъ съ сѣвера, и въ обоихъ насъ умѣритъ жаръ и пылъ.

«Еще Іоаннъ III имѣлъ доброе усердіе и желаніе помогать аѳонскимъ монастырямъ, но перешелъ къ Богу и оста-

вилъ по себѣ добрую память на Аeonѣ и въ другихъ мѣстахъ» (Сношен. Россіи съ Восток. ч. 1, стран. 14).

«А сынъ его Василій 24 іюня 1509 года послалъ милостыни въ монастырь св. Пантелеимона со старцами его Симеономъ и Іаковомъ, сообразно съ прежнимъ подаваніемъ, пять сороковъ соболей и 5000 бѣлокъ, и въ граматѣ своей обѣщался дозирать сей монастырь и помогать милостынею, какъ въ предъидущія времена» (Тамъ же стран. ²⁰/₁).

Вскорѣ послѣ сего игуменъ этой обители Паисій письменно благодарилъ великаго князя за эти щедроты, и просилъ у него новыхъ милостей. Вотъ его просьба:—«и прежде писали мы, чтобы поновилъ ты святой монастырь и *святую церковь*, которые отъ твоихъ дѣдовъ и прадѣдовъ созданы.— Будь новымъ кѣиторомъ отчины своей, дому и обители св. Пантелеимона... Мѣсто сіе имѣетъ страхъ отъ морскихъ злодѣевъ; и такъ да возградится и вновь затворится то, что обрушено съ одной стороны; *такъ же и великой церкви алтарь поразвалился и падаетъ*, надобно утвердить его и покрыть всю крышу церковную, обветшавшую»... (Тамъ же стран. ³⁰/₁).

Отсюда видно, что Руссикъ около 150⁹/₁₀ года находился въ незавидномъ состояніи. Онъ не имѣлъ средствъ починить падающій алтарь главной церкви своей. Могъ ли же расписать ее? Не могъ и не расписывалъ, а деньги великаго князя Василя употребилъ на почи́нку ограды своей, какъ это сейчасъ узнаемъ.

«Въ 1548 году представлялись царю Іоанну Грозному старцы Пантелеимонова монастыря Іаковъ и Мартирій, и подали ему отъ своего игумена прошеніе, въ которомъ между прочимъ написано было.—«Сказываемъ твоему державному царствію, что на тѣ деньги, кои пожаловалъ государь отецъ твой, Василій Іоановичъ, мы сдѣлали половину ограды, а другая половина разсыпалась, и твои богомольцы не имѣютъ куда

главы преклонить; посему молодые иноки хотятъ бѣжать изъ монастыря, а старымъ и больнымъ куда идти? Великій государь, созиди другую половину ограда и келліи для иноковъ, дабы не опустыло твое богомолье при твоёмъ царствѣ, что купили твои прадѣды отъ греховъ многою казною. Много было куплено сель къ нашему монастырю отъ вашихъ прадѣдовъ; намъ досаждаютъ за нихъ турки и греки, многое отняли, и ежегодную взимаютъ дань. Нынѣ долженъ монастырь 600 рублей, а твое царство можетъ насъ освободить единою рѣчью отъ турецкаго Султана, если хочешь пожаловать свой монастырь, какъ жаловалъ его отецъ твой великій государь; а съ тѣхъ поръ, какъ преставился онъ, и монастырь хочетъ запустѣть, если ты его не пририши, какъ волошскіе и иверскіе воеводы призираютъ свои монастыри на святой горѣ, какъ мать свое рожденіе, и даровали имъ села отъ своихъ земель. Если же не хочешь, благочестивый царь, насъ пожаловать, то пошли своего человѣка, и возьми обратно сосуды церковные, да не возьмутъ турки, а мы, куда дѣть ихъ, не знаемъ». (Тамъ же стран. 6^{1/2}).—Горько это прошеніе! Прочитавъ его, никто не скажетъ, что въ это время Русскіе имѣли возможность историровать свою большую церковь.

«Царь Іоаннъ Грозный въ сентябрѣ 1551 года письменно просилъ турецкаго Султана облегчить подать, взимаемую съ Руссика; а уплатилъ ли долгъ его: это неизвѣстно» (Тамъ же стран. 69).

«Спустя четыре года, въ маѣ мѣсяцѣ 1554 лѣта прибылъ въ Россію Евѡимій старецъ Пантелеимонова монастыря, и именемъ игумена Геннадія и всей братіи просилъ Іоанна Грознаго снабдить его проѣзжею грамматою для сбора милостыни въ Россіи. Іоаннъ приказалъ написать ему такую оборотительную грамоту и извѣстилъ о томъ и настоятеля Руссика» (Стран. 69).

Съ сего времени, эта обитель получала добротныя подаванія изъ Россіи и обновлялась до 1574 года, въ который умеръ въ Москвѣ *строитель* ея Матѳеи. А съ 1574 года она десять лѣтъ стояла пустая, неизвѣстно почему, такъ что въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1584 года некому было отдать деньги, кои прислалъ ей Иоаннъ Грозный на поминъ души убитаго имъ царевича Ивана (Стран. 138).

Однако запустѣніе этой обители было кратковременно. Въ 1590 году она уже населена была, и въ началѣ слѣдующаго года отправила въ Москву архимандрита Неофита и келаря Іоакима съ братією за сборомъ милостыни (Моя статистика Аѳона 1847 года).

Оканчиваю здѣсь рѣчь свою о Русскѣхъ и заключаю, что соборный храмъ его расписанъ былъ Панселиномъ до запустѣнія этой обители, въ промежутокъ времени между 1554 и 1574 годами, когда она пользовалась добротными подаваніями благочестивыхъ христіанъ въ Москвѣ, гдѣ жилъ и скончался *строитель* ея Матѳеи. Другаго удобнѣйшаго, денежнаго времени не представляетъ исторія ея. А въ это время Панселинъ уже славенъ былъ на Аѳонѣ. Его и пригласилъ Русскѣхъ историровать домъ св. великомученика Пантелеимона.

Довольно! Я, съ своей стороны, сказалъ все, что узналъ о времени художественныхъ работъ Панселина въ Протатѣ, Моливоклисѣ и Русскѣхъ, и мнѣній своихъ объ этомъ предметѣ болѣе не перемѣню. А вамъ предоставляю судить о нихъ, какъ вы можете, хотите и знаетѣ.

Оставляю развалины Руссика. Прощайте и послѣ скажите мнѣ: видѣли ли вы провожающую меня оттуда тѣнь Панселина.

XIV.

Петербургъ. 1862 года 3 декабря.

Но пора мнѣ разстаться и съ нею. Отпускаю ее къ подружкамъ, утѣшенную моими воспоминаніями о томъ времени,

когда она была не гѣнь, а живое существо, произведшее живописные святцы на стѣнахъ храмовъ Божіихъ, и наединѣ пишу къ вамъ послѣднее сказаніе объ этомъ существѣ.

Мануилъ Панселинъ, родомъ изъ Солупя, даровитый живописецъ, современникъ изрядныхъ художниковъ, расписавшихъ на Аѳонѣ церкви лавры и ставроникитской обители, именно двухъ Теофановъ и Фралга, еще въ молодости своей историровалъ общій всѣмъ святогорцамъ соборъ протатскій въ 153⁴/₅ году по приглашенію благочестиваго прота Серафима, и, вѣроятно, удивилъ тогдашнихъ отшельниковъ этихъ естественностію святыхъ ликовъ и изображеніемъ священныхъ событій въ большихъ размѣрахъ. Въ 153⁷/₈ году онъ расписалъ малый храмъ моливоклисійской кельи, принадлежавшей какому-то не бѣдному иноку изъ сербовъ, который смогъ покрыть ее свинцовыми листами, какъ это доказываетъ самое названіе ея. Кромѣ этихъ художественныхъ произведеній написаны были имъ многія иконы въ разныя аѳонскія обители. Ихъ видѣлъ и высоко цѣнилъ тамошній живописецъ Діонисій Фурноаграфіотъ, жившій въ первой половинѣ 18 вѣка. Одна изъ нихъ изъ ватопедскаго скита св. Димитрія досталась мнѣ, какъ бы въ награду за собраніе свѣдѣній объ этомъ художникѣ. Она хороша. Я храню ее, какъ святыню, и какъ оправданіе моего убѣжденія въ томъ, что Панселинъ имѣлъ смѣлость писать иконы и стѣнные изображенія приблизительно къ естественности. Иконы его, по увѣренію карейскаго живописца о. Магарія (1859 г.), можно видѣть въ кладбищной церкви кутлумушкаго монастыря, построенной на мѣстѣ древняго монастырька Маври. Въ 1858 году я былъ въ этой церкви и видѣлъ надъ иконостасомъ ея большія, древнія иконы, запыленные такъ, что не распознать и ликовъ, но не разсмотрѣлъ ихъ, потому что не было лѣстницы, и потому что тогда я не зналъ, что онѣ писаны Панселиномъ. Если Богъ приве-

дѣть васъ на Аѳонъ во второй разъ; то обратите ваше вниманіе на эти иконы: быть можетъ, вы усмотрите на нихъ имя *пресловутаго* и годъ его работы. О, еслибы!... Долго ли Панселинъ писалъ иконы святогорцамъ послѣ историровапія моливоклисійской церкви: это неизвѣстно мнѣ. А такъ какъ изъ исторіи аѳонскаго иконописанія видно, что вскорѣ послѣ 1537⁷/₈ года ни одинъ тамошній монастырь не расписывалъ церквей; посему я думаю, что въ промежутокъ времени между 1540 и 1560 годами Панселинъ занимался своимъ дѣломъ въ Солунѣ, и расписалъ соборный храмъ елассонскаго монастыря пресвятой Богородицы олимпійской. Тутъ въ 1859 году я любовался его живописью. Она очень сходна съ протатскою на Аѳонѣ. Тамъ и здѣсь—одни и тѣ же изящныя лики мучениковъ и преподобныхъ въ большихъ размѣрахъ, и даже на одномъ и томъ же мѣстѣ помѣщены Варлаамъ и индійскій царевичъ Іоасафъ, именно, у двери храма; да и не яркіи болорять ихъ одинаковъ. Послѣ 1560 года Панселину суждено было историровать еще два храма на Аѳонѣ, именно—Пантелеймоновъ въ старомъ Руссикѣ, и Введенскій въ Хиландарѣ. Первый онъ расписалъ немного ранѣе 1574 года, въ который Руссикъ заустѣлъ лѣтъ на десять, а второй—либо около того же времени, либо немного позже.

Воспоминанія, или, лучше, преданія объ этомъ художникѣ сохранились на Аѳонѣ, въ Солунѣ и въ Фессалии; Діонисій Фурноаграфіотъ, аѳонскій живописецъ и писатель (1701—1733 г.), величалъ его свѣтозарною луною. Нашъ Барскій, паломникъ и писатель же (1725²⁵/₄₄ г.), назвалъ его пресловутымъ и любовался *эпо изрядными* произведеніями кисти его. Столѣтній святогорецъ Дамаскинъ, ростовщикъ и живописецъ, въ 1798 году перенесъ портретъ его изъ протатской патерти въ свою нагорную келью, гдѣ турецкіе солдаты (послѣ 1821 года) выкололи въ немъ глаза. Аѳонскій зографъ Веніаминъ въ 1806 и

1816 годахъ срисоваль въ миниатюрѣ лучшія стѣнные изображенія его въ Протатѣ, Русикѣ и Хиландарѣ, и ту икону его, которая досталась мнѣ изъ ватопедскаго скита. У святогорца Макарія, иконописца и почитателя Панселинова таланта, я видѣлъ всѣ эти Веніаминовы рисунки и нѣсколько головокъ, нарисованныхъ имъ самимъ на промасленной бумагѣ, которую онъ накладывалъ на стѣнные изображенія въ протатскомъ соборѣ. Эти *подобны* о. Макарія гораздо лучше и отчетливѣе тѣхъ, кои сдѣлалъ извѣстный Севастьяновъ. Въ Солунѣ священники каѳедральной церкви св. Григорія Паламы говорили мнѣ (1859 г.), что большія древнія иконы въ этой церкви, тѣ самыя, кои стоятъ въ иконостасѣ подальше отъ царскихъ вратъ на лѣво, были писаны Панселиномъ. Правду ли, неправду ли говорили они: это повѣрить трудно; но говоръ ихъ доказываетъ, что Солунъ еще помнитъ своего знаменитаго художника. У ѳессалійскаго Олимпа въ большомъ селѣ Литохоро я слышалъ отъ мѣстнаго иконописца, что Панселинъ современниками его почитаемъ былъ еретикомъ за то, что онъ въ вѣнцѣ Богочеловѣка не писалъ ѿ ѿ. А когда это ѳессалійское преданіе о немъ пересказано было мною на Аѳонѣ игумену всенофской обители Никифору (15 іюня 1859 г.); тогда этотъ сѣдовласый и благоговѣйный старецъ примолвилъ, что Панселинъ былъ художникъ ревнивый, и что онъ никому не передалъ своего искусства.—Какія драгоцѣнныя преданія! И какъ онѣ просты! Любовь къ изящнымъ искусствамъ, воспринятымъ и освященнымъ православною церковію, побуждала меня собирать всѣ эти преданія. Но она ли забывчива, или умъ-то у меня задній, какъ и у всѣхъ земляковъ моихъ: только теперь я сознаю, что мой сборникъ преданій о Панселинѣ не имѣетъ конца: вѣдь, недостаетъ сказанія о смерти и о мѣстѣ погребенія его. Какъ бы мнѣ не распросить объ этомъ? Анъ нѣтъ! Не распросилъ! Не развѣдали ли вы? Подѣлитесь со

мною воспоминаніями и сужденіями своими о пресловутомъ.
Vice per vicem gerendam tibi amice.

А пока прошу васъ взвѣснить мое сужденіе о пошибѣ живописанія Панселина. По моему; рисунки его не очень правильны; однако онъ болѣе другихъ современныхъ живописцовъ приближался къ естественности; лица писалъ не одинаковыя, а разнообразныя; выраженіе придавалъ имъ не суровое, а иногда миловидное; праотцовъ и пророковъ писалъ величественныхъ; святыхъ ставилъ пристойно, а мучениковъ бодренно,—на ходу къ безсмертной славѣ; тѣни утончалъ у краевъ лицъ и тамъ, гдѣ онѣ сливаются съ такъ называемыми *святками*; колоритъ любилъ не яркій; стѣнамъ придавалъ цвѣтность синеголубоватую; въ рисовкѣ и отдѣлкѣ большихъ изображеній священныхъ событій не отступалъ отъ старинныхъ образцовъ, какіе видалъ въ лучшихъ живописныхъ святцахъ, въ житіяхъ святыхъ и въ разрисованныхъ евангеліяхъ, XIV вѣка, когда книжная живопись была изрядна. По причинѣ этой подражательности, быть можетъ, *невольной* на стереотипномъ Аѳонѣ, большія картины его, напр.: Преображеніе, Сошествіе во адъ (въ Протатѣ) не такъ хороши, какъ лики праотцовъ, пророковъ, апостоловъ, мучениковъ и преподобныхъ. Я не почитатель Панселинова таланта, и ставлю его несравненно ниже тѣхъ италіанскихъ живописцовъ, которые, какъ Чимабуче, Джіотто, Люини, придали греческой живописи миловидную естественность, пѣжность, и, позвольте сказать, чувствительность; однако нѣкоторые лики, изображенные этимъ солунцомъ, люблю и хвалю. Въ елассонскомъ монастырѣ весьма понравился мнѣ образъ Спасителя, написанный имъ на алтарномъ простѣннѣ, что у самыхъ царскихъ вратъ, снаружи. Вотъ что я сказалъ объ этомъ образѣ въ письмѣ своемъ къ оберъ-прокурору гр. Толстому, подъ вліяніемъ свѣжаго впечатлѣнія. «Изображеніе Спасителя въ ростъ такъ впечатлительно и такъ совершенно,

«что я невольно вѣрилъ мѣстному преданію о свѣше откры-
 «томъ нѣкоему старцу сходствѣ этого изображенія съ пребы-
 «вавшимъ на землѣ Господомъ». Это лучшее произведеніе
 Панселиновой кисти нисколько не походитъ на образъ Спа-
 сителя, написанный въ аѳоно-протатскомъ соборѣ на томъ же
 мѣстѣ. Впрочемъ сей образъ и небольшому знатоку живописи
 кажется новѣйшимъ въ сравненіи съ прочими тамъ ликами.—
 Въ Хиландарѣ я любовался Панселиновскимъ изображеніемъ
 Богоматери, написанымъ на восточной стѣнѣ алтаря вверху,
 и удѣлѣвшими ликами преподобнаго Мартиніана и двухъ ара-
 війскихъ безребренниковъ Космы и Даміана, которые живо
 напоминали мнѣ смуглыхъ и худощавыхъ аравитянъ и ихъ
 головныя поязвы изъ платковъ, такъ называемые *саріки*.—
 Въ протатскомъ соборѣ мнѣ отмѣнно пріятно было смотрѣть
 часто и долго на праотца Ноя, держащаго въ рукахъ своихъ
 маленькую лодку. Бывало, гляжу на него и думаю, что онъ
 сейчасъ вышелъ изъ ковчега и на лодочкѣ переѣхалъ на сушу,
 табой, какъ былъ, долголѣтній, великорослый, крѣпкій, сѣдо-
 дымчатый, угрюмый, задумчивый, благословляющій, проклинаю-
 щій. У меня есть Панселиновская икона Срѣтенія Господня,
 писанная на каштановой доскѣ безъ подкладки полотна. Она
 хороша. Ее видѣлъ здѣшній придворный иконописецъ Пѣше-
 хоновъ и назвалъ характерною. На ней Симеонъ Богопріи-
 мецъ, согбенный старецъ, точь въ точь походитъ на того перво-
 священника въ протатской церкви, который вводитъ трилѣтнюю
 отроковицу Марію во святая святыхъ. (Припомните тамошнее
 стѣнное изображеніе этого событія надъ южною дверью алтаря).
 Онъ держитъ на своихъ старческихъ рукахъ божественнаго
 младенца и говоритъ Ему: нынѣ отпускаеши раба твоего, Вла-
 дыко. Младенецъ этотъ смотритъ на него очень зорко. Го-
 ловка его съ большимъ открытымъ челомъ выразительна, но
 не боголѣнна. Онъ протянулъ правую ручку къ своей матери.

А она держитъ ее въ своей ручкѣ, сама же обратила бѣлое, благообразное лице свое къ Іосифу и какъ бы говорить ему: слышишь провѣщательную мольбу Богопріимца? Іосифъ стоитъ прямо, неподвижно, какъ изумленный провѣщаніями богодухновеннаго старца, и держитъ въ рукахъ своихъ клятву съ двумя бѣлыми горлицами. За Богопріимцемъ видна пророчица Анна. Въ лѣвой рукѣ своей она держитъ хартію, а правую приподняла, и сложивъ персты, какъ слагаютъ ихъ наши старобрядцы, пророчествуетъ. На этой иконѣ всѣ лица—натуральны. Смотришь на нихъ, и угадываешь ихъ чувствованія. Итакъ, Панселинъ писалъ иконы обдуманно, придавая лицамъ движеніе, чувство, мысль.

Кончено мое слово объ этомъ художникѣ! Пора говорить съ вами о другихъ предметахъ.

XV.

Петербургъ. 1862 г. 5 декабря.

Помните наше преніе о трехъ буквѣхъ ѿ ѿу въ вѣницѣ Богочеловѣка? Помните свое обѣщаніе биться до послѣдней капли крови для защиты своего мнѣнія о *недавности* обычая писать тутъ эти буквы? Помните и мое обѣщаніе доказать вамъ *стародавность* сего обычая и понудить васъ отступить въ крѣпость молчанія? Бросайте же теперь оружіе свое; бросайте кievософійскій щитъ свой, размаляванный не въ XI вѣбѣ; отнесите въ ризницу не древній триморфонъ свой безъ трибуквеннаго надписанія на немъ; скидывайте свой кукуль, креститесь и покланяйтесь моему 590-лѣтнему триморфу, на которомъ начертано ѿ ѿу, и который писало для васъ солнце.

Тутъ помѣщено было фотографическое изображение триморфа 1272 года.

Что! Видѣли? Вразумились? Убѣдились? Поклонились? Слушайте же и знайте: отбуда и какъ досталась мнѣ эта святыня, по истинѣ, рѣдкая, достопримѣчательная, пополняющая исторію иконописанія.

Представленный вамъ фотографическій отпечатокъ Триморфа съ буквами *с ѿ* снятъ съ греческаго четвероевангелія, написаннаго въ 6780 (1272) году монахомъ Агакиемъ и хранившагося въ каврской ризницѣ александрійской патріархіи. Эту рукопись въ серебрянопозлащенномъ переплетѣ я видѣлъ тамъ въ 18⁴⁵/₅₀ году, и даже носилъ ее въ священномъ ходу въ великій пятокъ во время выноса плащаницы, но, разумѣется, тогда не примѣтилъ въ ней оныхъ трехъ буквъ, какъ не примѣтилъ осьмиконечнаго креста на Андрониковой иконѣ, который, помню, въ Ватопедѣ, вы указали мнѣ на ней пальцемъ. Но что тогда опущено было изъ виду по невнимательности моей, или торопливости, то въ нынѣшнемъ году усмотрѣно и даже отподоблено съ помощію сѣвернаго солнца. Не воображайте, что я леталъ въ Каиръ за оною рукописью: нѣтъ, она сама неожиданно появилась здѣсь въ царскомъ чертогѣ. Нынѣшній патріархъ александрійскій Іаковъ прислалъ ее, какъ подарокъ, нашей матушкѣ-Царицѣ; а она (въ прошломъ апрѣлѣ 13 дня) передала его мнѣ для разсмотрѣнія. Радн Ея Величества и

изъ любви къ наукѣ я разсмотрѣлъ старинную рукопись эту внимательно и подробно, и описалъ ее, какъ должно. Когда же пришлось мнѣ по порядку описывать помѣщенные въ ней изображенія триморфа, Евсевія и четырехъ евангелистовъ; тогда я въ вѣвцѣ Господа, обожаемаго Приснодѣвою и Предтечею, замѣтилъ $\sigma \omega \nu$, и возрадовался и возвеселился, какъ будто получилъ откровеніе свыше. Тогда оправдалось ессалийское преданіе о нарушеніи Панселиномъ древняго обычая художниковъ писать эти буквы у главы Богочеловѣка. Тогда оживилось въ моей памяти изъясненіе сихъ буквъ, прочитанное мною въ одной аеано-иверской рукописи, XIII вѣка; изъясненіе въ томъ смыслѣ, что онѣ означаютъ вѣчное бытіе Иисуса Христа Сына Божія, который всегда былъ, есть и будетъ. Тогда стало извѣстно, положительно извѣстно, что греческіе иконописцы въ вѣвцѣ Господа рисовали $\sigma \omega \nu$ въ тринадцатомъ вѣкѣ. Тогда въ восторгъ отъ внезапнаго открытія этой художественной правды я написалъ N... слѣдующія строки:

«Вельми радуюсь этому открытію и въ избыткѣ радости дерзаю сказать другую правду. Св. Іоаннъ Богословъ, въ своемъ евангеліи изображая Богочеловѣка словами, трижды написалъ, что онъ есть $\sigma \omega \nu$, $\delta \omega \nu$. Древніе иконописцы знали отъ сего евангелиста, что Иисусъ Христосъ есть *единородный Сынъ, $\sigma \omega \nu$ отъ лонъ Отца, $\delta \omega \nu$ ἐκ τῶν κόλπων τοῦ πατρὸς* (гл. 1, 18), *седмый съ небесе сынъ человеческій $\sigma \omega \nu$ на небеси, $\delta \omega \nu$ ἐν τῷ οὐρανῷ* (3, 13), *$\sigma \omega \nu$ отъ Бога, $\delta \omega \nu$ παρὰ τοῦ Θεοῦ* (6, 46), знали это, и на иконахъ его, у главы его, писали $\delta \omega \nu$ не по своему вымыслу, а по указанію евангелія. Преподобный Іоаннъ Дамаскинъ, богословъ и самый жаркій защитникъ почитанія иконъ, въ одномъ изъ своихъ догматиковъ вослѣваль: $\sigma \omega \nu$ $\delta \omega \nu$ и прежде $\sigma \omega \nu$ явлейся Христе Боже. Эту пѣснь его слышали древніе иконописцы, и, красками изображая Христа Бога, надписывали у главы его $\delta \omega \nu$. Не вымысль,

не произволь руководилъ ихъ кисть: ее руководило евангеліе.— Чувствую, что эти рѣчи мои не убѣдили бы тѣхъ людей, у которыхъ разумъ склоненъ къ опытнымъ и точнымъ познаніямъ, не убѣдили бы безъ поднесенія имъ древнѣйшей иконы Спасителя съ трибуквеннымъ надписаніемъ у главы его. Но вотъ, такая икона поднесена имъ и всѣмъ прочимъ! Всякій видитъ ее и самъ признаетъ старинную, художественную правду. А я три земные поклона кладу предъ этою иконою, благодаря Того, Который есть ѿ ѿмъ, за неожиданное открытіе сей правды».

И вамъ поднесена эта икона святая! Помолитесь же ей, и поздравьте меня съ праздникомъ. А я навеселѣ даю вамъ свободу, храбрый витязь и любезный плѣнникъ мой, по съ тѣмъ договоромъ, чтобы вы всѣмъ трубили объ открытіи старинной художественной правды, и въ двухъ церквахъ своихъ написали бы ѿ ѿмъ у главы Богочеловѣка, если такого написанія нѣтъ тутъ.

Прощайте до новой встрѣчи у древа познанія добра!

Р. S.—При семь посылаю вамъ два фотографическіе отпечатка двухъ страничекъ четверо-евангелія, подареннаго александрійскимъ патріархомъ Іаковомъ нашей Государыни Императрицы. Полюбуйтесь старинкою, и живите долго.

XVI.

Петербургъ. 1862 г. 8 декабря.

Вы въ письмѣ своемъ, отъ 30 октября, намекнули, что у васъ *100 занятій идутъ рядомъ, мѣшая одно другому*. А я прибавляю вамъ еще одно занятіе—переписку со мною! Но какъ не прибавить вамъ стоперваго дѣла, когда наукѣ, этой дивнопрекрасной царицѣ душъ, извѣстны ваши силы, дарова-

нiя, досуги, охота къ ученымъ изысканiямъ? Возьмите иго ея на себя. Иго бо ея благо, хотя бремя ея и тяжело есть.

Вы спросили меня,—въ какихъ отношенiяхъ къ печатной Ерминiи стоятъ Симонидисъ,—и спросили, полагая, что не онъ издалъ это руководство къ церковной живописи, и даже намекая на издателей во множественномъ числѣ, *хитро выдвинувшихъ впередъ почтенное имя Икономоса въ предисловіи этой книжки*. Что отвѣчать мнѣ на этотъ вопросъ вашъ? Вы жили въ Аѳинахъ въ то время, когда издавалась Ерминiя; такъ, можетъ быть, лучше меня знаете виновниковъ бытія сего уroda. А я отъ аѳонцовъ слышалъ, что Ерминiя издана Симонидисомъ, и что онъ нарочно поставилъ на ней 1458 годъ, дабы можно было скорѣе распродать ее, какъ книгу напечатанную съ старинной рукописи. Аѳонцамъ я вѣрю въ этотъ разъ, потому что самъ Симонидисъ боялся имъ въ этой продѣлкѣ своей, и потому что никто, кромѣ этого грѣховодника, не рѣшился бы уродовать рукопись Фурноаграфiста, списки съ которой я видѣлъ на Аѳонѣ у иконописцовъ Иосафеевъ, у карейскаго художника о. Макарія, у литохорскаго живописца въ Фессалии, у маляровъ іерусалимскихъ, и видѣлъ безъ тѣхъ выдумокъ и прибавленiй, кои смутили и васъ. Самъ ли Симонидисъ напечаталъ Ерминiю на свой счетъ, или передалъ ее типографшику, либо книгопродавцу какому: это все равно. Дѣло въ томъ, что онъ испортилъ ее своими вымыслами. Что касается до Икономоса; то имя его, хотя бы оно и свѣдома его выдвинуто было на показъ, не придастъ ни малѣйшаго вѣса аѳонскому изданiю Ерминiи. Этотъ ученый мужъ, занимавшійся не живописью и не исторiею сего искусства, а богословскими науками и проповѣданiемъ слова Божiя, могъ обмануться поддѣланною Симонидисомъ Ерминiею, обмануться такъ же легко, какъ легко обманывались европейскіе еллинисты другими поддѣлками его, кои недавно изобличены г. Типендорфомъ.

Вы спросили меня о Діонисіѣ Аграфіотѣ: самъ ли онъ сочинилъ Ерминію, или только издалъ ее (въ рукописи)? Отвѣтъ на вопросъ вашъ этотъ содержится въ самомъ сочиненіи его. Тутъ ясно сказано, что книга его составлена съ помощію ученаго отца Кирилла, родомъ хіосца. Держась этого сказанія, я полагаю, что Діонисій написалъ техническую часть Ерминіи о составѣ красокъ, о рисовкѣ, о расписываніи стѣнъ, и тому подобное, а все прочее въ ней изложено онымъ Кирилломъ, однако по замѣткамъ этого живописца о внѣшнемъ видѣ святыхъ. Притомъ мнѣ надобно помнить, а вамъ знать, что Діонисій былъ поэтъ. Тамъ, гдѣ онъ родился и жилъ, отысканы стихи его въ похвалу Богоматери.

По словамъ сего Діонисія, Панселинъ превзошелъ живописцовъ *и древнихъ и новыхъ*. Изъ этихъ словъ всякій выведетъ прямое заключеніе, что Панселинъ былъ художникъ новѣйшій. Какъ же вы одни заключаете противное? Впрочемъ и вамъ самимъ заключеніе ваше показалось натяжкой. Чтожъ послѣ этого говорить мнѣ? Послѣ этого надобно говорить о чемъ нибудь другомъ.

Ваша маленькая комедія, въ которой выведены на сцену Барскій, Дидронъ, я, и вы сами, позабавила меня. Чѣмъ же мнѣ позабавить васъ? Позабавлю освистаніемъ ея.

Вы забыли то, что я сказалъ вамъ о сочинителѣ хиландарской надписи, забыли, что ее составилъ не живописецъ Веніаминъ, а нѣкій грамотѣй изъ сербовъ, или болгаръ, забыли, и потому заставили меня лгать на сценѣ, будто оный Веніаминъ въ 1804 году отъ себя прибавилъ къ помянутой надписи слова, — *древности же ради помрачившейся исторіи нынѣ паки обновихомъ ее*, — и будто онъ сочинилъ и всю надпись. Знать, въ этотъ разъ, когда вы забылись, 99-е занятіе ваше помѣшало сотому, такъ что память ваша стала своевольна. А когда вы противопоставили мнѣ *куклу* въ образѣ

Барскаго, припоминающую хиландарскую надпись 481 года, *идьже читеться слово императоръ*, хотя живыи Барскій и не упомянулъ объ этой надписи въ сочиненіи своемъ, не выдавъ ее: тогда сотове занятіе ваше помѣшало 99-му, такъ что вы написали поклепъ на Барскаго. Да и Дидронъ выведенъ вами на сцену послѣ какой-то помѣхи вашимъ занятіямъ. Въ иную пору, на досугѣ напримѣръ, вы предъ сочиненіемъ комедіи, непременно запросили бы себя: да полно, можно ли во всемъ вѣрить французику? Но ужъ коль вы повѣрили ему, такъ позвольте же мнѣ сомнѣваться и отвѣчать вашему Дидрону. «Пардонъ, мось! Вы немного подслѣпы. Хиландарская надпись не на мраморѣ вырѣзана, а на оштукатуренной стѣнѣ написана тамъ, гдѣ вы видѣли ее. Пардонъ, мось! Вы не знаете славянскаго языка. Стало быть, не вы прочли эту надпись, а кто нибудь другой перевелъ ее вамъ до словъ: *не лишитъ мене царствія своего*,—и потомъ ушелъ хлебать чечевиду, не заблагоразсудивъ передать вамъ дальнѣйшія слова о поновленіи живописи въ 1804 году. А прибавка эта была тутъ въ минуты вашего пребыванія въ Хиландарѣ. Вѣрьте. Если же вы не вѣрите въ этомъ мнѣ, такъ повѣрьте предшественнику сочинителя комедіи о Петру (бывшему профессору кievской семинаріи Платону Троицкому), который въ 1851 году богомольствовалъ въ Хиландарѣ, и по моему прошенію списалъ для меня оную прибавку. Автографъ сего почтеннаго паломника хранится у меня не тамъ, гдѣ лежатъ комедіи Расина и Корнеля, а подлѣ твореній богословскихъ, философскихъ и историческихъ, въ которыхъ больше правды, чѣмъ во всѣхъ комедіяхъ, не исключая и новой, Антониновой.— Вы въ бытность свою на Аѳонѣ пристально смотрѣли на стѣнные изображенія ктиторовъ тамошнихъ монастырей, и нѣкоторыхъ изъ нихъ сочли меровингами потому только, что они написаны въ бараньихъ шапкахъ. Но, мось, вы ошиб-

лись, s' il vous plait. Эти мнимые меровинги суть истые болгары. Ибо у самых ушей и носовъ ихъ начертаны имена, прозванія и отчизны ихъ, индѣ по гречески, индѣ по болгарски. Какъ же послѣ этого вѣрить вамъ во всемя? Извините. Я не комикъ, и не жалую ни поэтовъ за то, что они лгутъ, ни близорукихъ за то, что они плохо видятъ. Mais pardon monsieur! Je vois une ταπεινότητα s' approcher à moi. Il faut donc parler à cette figure. Adieu!»

Καλήσας ἡμέρα, ταπεινότητε!

Сдѣлайте милость, не трудитесь: не ѣздите въ Хиландаръ для того только, чтобы поцупать тамъ мраморную плиту съ надписью, *идѣже чтется слово императоръ*, и разсмотрѣть на ней выставленные годы отъ созданія міра и отъ воплощенія Бога Слова. Трудъ не стоитъ издержекъ. Плиты нѣтъ. А надпись, до прибавки, жетъ на половину. Ее сочинилъ грамотѣй, который не зналъ, что въ XIII вѣкѣ ни греческіе цари не называли себя императорами, ни сербскіе крали не давали имъ такого титула, ни римскіе папы никого не честили *так*.

Но оставимъ Аѳонъ.

